

Д. Н. Мамин-Сибиряк

СТАРАЯ ЦЕРМЬ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Старая Пермь

Известный очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка «СТАРАЯ ПЕРМЬ», описывающий достопримечательности Пермского края и Земли Чердынской, перепечатан с журнала «Вестник Европы» 1889 г., № 4

Старая Пермь

Путевые очерки [1888 г.]

I

... Он был тут! это — настоящий “пасс-пар-ту”!..

Но сначала нужно сказать о вагоне третьего класса, в котором я ехал по Уральской железной дороге в Пермь. Публики в вагоне набралось много, и все провели тяжелую, бессонную ночь, скорчившись в разных невозможных положениях. Ранним утром, когда поезд еще “на брезгу”¹ пришел на станцию Чусовая, эта скорченная публика зашевелилась. Показались измятые бессонницей лица, слышались охи и вздохи, нервная позевота и машинально творимая утренняя молитва. Каждый чувствовал себя обиженным и смотрел на других с плохо скрытой ненавистью, как на людей, бессовестно захвативших его место. Дамы — публика была всё чистая — отправились сейчас же в уборную, мужчины потянули к буфету. Общее тяжелое настро-

ние не улеглось даже после получасовой остановки, и публика вернулась с сердитыми лицами на свои места. Я дождался замирающей трели последнего звонка и вернулся в вагон последним. Представьте себе положение не проснувшегося хорошенько человека, изломанного бессонницей, когда он идет к своему месту, и это место оказывается занятым именно на моем месте сидел какой-то небольшой черноволосый господин в летнем костюме и беззаботно смотрел в окно.

— Милостивый государь, позвольте!..

— А... что?.. Ах, виноват, — забормотал незнакомец, стараясь отодвинуть толстые ноги какого-то ксендза. — А я, знаете, целых полгода не бывал в Перми... Право!..

Незнакомец так добродушно улыбался, что не поднималась на него рука: пусть его сидит, как-нибудь доедем. Да и куда ему было даться: человек такие же деньги платит. Обезоруживало его добродушие.

— А вон моя квартира, — продолжал он таким тоном, точно мы вчера расстались. — Эти ведь домики построены нашей французской компанией. Да... У меня славная квартира.

Высунувшись в окно, незнакомец весело помахал фуражкой по адресу своей славной квартиры. По акценту можно было заметить, что это коренной француз, что и оказалось впоследствии,— уроженец Гренобля.

Поезд медленно подползал к мосту через р. Чусовую, и в наше окно можно было рассмотреть постройки французской компании, основавшей здесь железоделательный завод. В утренней мгле дымились железные трубы, а по реке медленно плыла волна чисто заводских звуков — лязг железа, грохот вертевшихся колес и валов и глухой гул работавших молотов. Чусовая в этом месте выбегала из “каменной” и разливалась по волнистой равнине, едва сдавленной лесистыми отрогами, широким плесом. Картина получалась недурная, особенно после глухого безлюдья оставшегося назади горного перевала.

Публика в нашем третьем классе набралась самая разнообразная: старушка-полька, возвращавшаяся от родных из Западной Сибири, а с ней ехал высокий и мускулистый ксендз в засаленной сутане; напротив них поместились три дамы неопределенной профес-

сии — не то арфистки, пробиравшиеся в Нижний к ярмарке, не то просто жены своих мужей; два бухарца, несколько прасолов и в заключение соловецкий монашек в черной островерхой шапочке и длинном, заплетавшемся около ног подряснике, перехваченном широким монашеским поясом. Серое лицо этого “мниха” было совершенно неподвижно, а бесцветные глаза смотрели совсем убитым взглядом. Прямые, льняного цвета, волосы выбивались из-под дорожной скуфейки и придавали лицу то бесстрастное выражение, какое встречается только у угодников на образах старинного новгородского письма. Рядом с этим северным отшельником, упитанный ксендз казался уж совсем мирским человеком, особенно когда начинал набивать свой толстый нос табаком. Последнее ксендз делал с ловкостью фокусника, и толстые пальцы точно порхали около носа. В антракты между двумя понюшками ксендз вынимал серебряный портсигар, доставал папиросу и с медленной важностью пускал табачный дым. Вообще публика набралась самая разнообразная, как это случается в развал летней нави-

гации, когда по уральской железной дороге сибиряки едут “в Россию”, а “расейские” люди в Сибирь.

— А вам нравится мой костюм? — спрашивал меня неугомонный Паспарту {Литературный герой, персонаж романа Ж. Верна “Вокруг света за 80 дней”.} (так я прозвал впоследствии моего неожиданного спутника из Гренобля), и он даже подмигнул. — Представьте себе, в один день портной сшил всю пару... И за работу взял 3 рубля. Да... С меня он всегда берет 3 рубля, а с директора 15 рублей. Я нахожу это справедливым: директор получает 9 тысяч жалованья, а я — всего 540 р. Директор вчера утром призывает меня к себе и говорит: “Вы завтра едете в Пермь встречать г. Дюссо, но только успеете ли вы кончить ваши чертежи?” Я отвечаю: “Посмотрим, м-г директор”. Представьте себе, просидел всю ночь над работой и кончил. Каков молодец?.. Ха-ха!.. А портной в это время шил мне вот это платье и тоже кончил к сроку. Но работа работой, а мне нужно было набить 200 папирос на дорогу, — я не люблю себе ни в чем отказывать, — потом накормить собак — у меня

их восемь штук, полить цветы — ужасно люблю комнатные растения! — прибрать лошадь... У меня удивительная лошадь: заплатил 35 р., а не отдам за 200 р. Ей-богу, не отдам...

— А кто этот Дюссо, которого вы едете встречать?

— Да он компаньон... Ему нужен переводчик; вот директор меня и командировал. Так прямо и сказал: “Берите денег, сколько хотите”. Я взял десять рублей, потому что не люблю себе ни в чем отказывать, а в Перми всегда лишнее издержишь. Уж извините, я всегда в Перми на извозчике езжу. Мы с директором в прекрасных отношениях... Прошлый год на Петра-день у нас в даче случился лесной пожар, он сейчас посылает за мной, и сказал всего два слова: “Я на вас надеюсь”. Повторять приказание мне не нужно: мы отлично понимаем друг друга. Сейчас же сажусь на свою лошадь, за которую заплатил 35 рублей, беру ружье — у меня ружье заграничное, стоит всего 6 р. и бьет дробью за 27 сажень, а русские ружья ужасно дорого стоят и ужасная дрянь — и лечу на пожар. Заметьте, у нас есть

и лесничий, и полесовщик, а директор надеется на меня... Да-с. Только дорогой я заметил, что еду в штиблетах. Но пожар всё-таки потушил. На обратном пути увидел уток на Чусовой, и прямо с седла: бац! Шесть уток убил одним выстрелом... Поехал их добывать на лошади, а она меня сбросила в воду и убежала. Я чуть не утонул, но только уток достал всех. Конечно, домой пришлось возвращаться пешком, а мокрому это очень неприятно и притом в штиблетах. Пролежал в тифе после этого две недели и чуть не умер... Вообще с этим директором я в прекрасных отношениях, а с прежним был нехорош. У меня было три собаки, и прежний директор говорил мне: “Убей свои три собаки или теряй свое место”. Я убил свои три собаки и завел восемь новых да еще лошадь.

Пасспарту болтал без умолку, рассказывая всю подноготную про себя. Родился и вырос он в Гренобле. После отца получил небольшое состояние, тысяч 50 франков, и вздумал на эти деньги основать в России свое дело. Приехал он в Россию, не зная русского языка, и сейчас же, конечно, попал на нехороших

людей, которые воспользовались его незнанием русского языка и отобрали все пятьдесят тысяч франков. За этим последовал длинный ряд мытарств, пока он научился русскому языку, и вот теперь служит у своей же французской компании. Конечно, жалованье небольшое, но одному жить можно, а жёниться он не желает — слишком дорогое удовольствие даже для такой дешевой страны, как Россия. Эта болтовня лилась неудержимо, потому что Пасспарту был рад и солнечному дню и тому, что он ехал встречать г. Дюссо, и, наконец, просто тому, что он, Пасспарту, существует и может говорить ломаным русским языком. Между разговорами он успел перезнакомиться со всем вагоном, всех угощал своими папиросами и кончил тем, что заснул на полуслове, как засыпают расшалившиеся дети. Публика смотрела на Пасспарту как на пьяненького, потому что все русские путешественники имеют такой унылый вид, точно их отправляют куда-нибудь “по не зависящим обстоятельствам”.

На пути от Чусовой до Перми самым замечательным местом является станция Лёвши-

но. До железной дороги здесь стояла жалкая деревушка и несколько магазинов для склада металлов, но теперь быстро растет уже целый городок, и проведена даже железнодорожная ветвь к складам металлов. Тут же стоят металлические резервуары с керосином разных компаний, склады бочек и т.д. Лёвшино занимает устье Чусовой и служит местом разгрузки чусовских караванов. Железная дорога оживила пустынный берег, где и следовало бы быть давно настоящему городу, а не на месте нынешней Перми, которая стоит совершенно ни при чем, как измышление административной фантазии.

Другой оживленный пункт уже под самой Пермью — сталепушечный Мотовилихинский завод. На него положены большие казенные миллионы, но дело всё как-то не вяжется: то работы по горло, не хватает рабочих рук, то работы нет. Всё, конечно, зависит от большего или меньшего внимания военного министерства, и Мотовилиха, как комнатное растение, если его полиют вовремя, зеленеет и цветет, а если забудут — засыхает до следующей поливки. Удивительное это дело: не хо-

тят давать своих заказов своим же собственным казенным заводам, а направляют их за границу, в Эссен. По справедливости, Крупп2 может считаться нашим русским заводчиком и имеет полное право требовать себе тех же привилегий и покровительства, какими пользуются наши уральские заводчики, тем более, что эти последние решительно ничего не желают делать даже в виду своей собственной неминуемой гибели — съест их южнорусское дешевое железо.

II

Пермь я знаю десятки лет, и всегда на меня этот город производит самое тяжелое впечатление, особенно по сравнению с Екатеринбургом. Главное основание всей жизни здесь заключается в “двадцатом числе”, когда чиновники получают жалованье, а всё остальное, нечиновное человечество живет “пакентами”; ни добывающей, ни обрабатывающей промышленности в Перми нет. Впрочем, в последнее время Пермь совсем преобразилась; мощные улицы и целые кварталы прекрасных домов производят даже известный эф-

фект. К сожалению, всё это тлен и суета. Искусственное оживление произведено железной дорогой, и всякая новая комбинация в этом направлении бесповоротно убьет Пермь. Впрочем, песенка уже спета: новая линия Самсук — Уфа — Златоуст достраивается, и без сомнения сибирский транзит повернет по ней. Пермь тогда останется буквально при одном своем “двадцатом числе”... В утешение останутся мостовые да построенные в долг дома. Что такое будущее — не наша фантазия, доказательством служит быстро растающий городок в Лёвшине: там сосредоточатся специальные грузы Уральской дороги, как горнозаводской линии, и туда же должно мало-помалу перекочевать пароходство.

Здоровый и трудящийся человек любит обыкновенно повеселиться — это его отдых. Самый бойкий сезон в Перми летом, во время навигации, и что же — город скучает, как параличный. На единственном гулянье, построенном, как задний двор, где-то на выезде, в совершенно голом месте, толчется человек десять-пятнадцать — и это “вся Пермь”. Большой театр летом пуст, а зимой приносит ан-

трепренерам одни огорчения: нет публики.

Всякий, кого fortuna adversa {fortuna adversa — горькая судьба.} заставит провести в Перми несколько дней, обыкновенно не знает, как убить время, и скучает, как на поминках. Нечего смотреть, некуда деваться... Мне лично нужно было остановиться на целый день, чтобы побывать кой у кого из старых знакомых, а главное посетить нашего пермского Нестора — В. Н. Шишонко³. Не знаю почему, но Перми посчастливилось по части истории края. Первым явился на этом пути директор пермской гимназии Никита Саввич Попов⁴, оставивший после себя классический труд: “Хозяйственное описание Пермской губернии”. Его преемником был известный земский деятель г. Смышляев⁵, издававший одно время “Пермский сборник” и составивший, между прочим, систематический указатель по литературе края. Нужно заметить, что ни одна русская губерния не имеет такой обширной и разнообразной литературы, как Пермская, что объясняется как громадностью территории, так разнообразием и обилием всевозможных богатств. Последним

на этом поприще явился В. Н. Шишонко, из работ которого о Пермском крае составитя целая библиотека, а первое место в ней, без сомнения, займет его капитальный труд: “Пермская летопись”, уже доведенная до XVIII столетия и представляющая уже шесть объемистых выпусков, в общей сложности 4000 печатных страниц большого формата.

В. Н. Шишонко — инспектор народных училищ. По профессии он врач, но променял медицину на народное образование. Работая сначала на медицинском поприще, а потом на педагогическом, он в течение двадцати пяти лет неустанно собирал всевозможные материалы по истории края и только с открытием земских учреждений получил возможность начать свой труд, который издается на земские средства. Работа, во всяком случае, единственная, хотя и не оцененная по достоинству неблагодарными современниками, видящими в каждом труде одни недостатки. Укажу на тот факт, что экспертиза сибирско-уральской выставки присудила г. Шишонко за его летопись всего большую серебряную медаль, тогда как итальянскому про-

фессору Сомьеб — золотую за описание путешествия по Сибири. Положим, что вообще выставочные награды — вздор и что г. Шишонко работал и работает не для золотой медали, но имеет свою важность отношение публики к такому почтенному и единственному в своем роде труду, притом труду самому кропотливому и крайне неблагодарному.

В. Н. Шишонко я застал дома. Он живет на краю города, где-то у бульвара. Новенький одноэтажный дом, поставленный по-английски в глубине двора, смотрел весьма уютно. Сам хозяин, большею частью, в разъездах по делам службы, а дома является гостем. Уютная семейная обстановка делала понятным, как громадный труд вершился здесь между прочим, из-за десятка других обязательных дел.

— Не знаю, удастся ли докончить летопись самому, то есть напечатать, — говорил г. Шишонко с невольной грустью в голосе. — Все под богом ходим... Но на случай смерти у меня всё приведено в порядок, так что и без меня могут напечатать. Сейчас пойдет в дело XVIII в.; его надолго хватит.

Желая познакомить меня с своей работой,

он велел принести совсем приготовленные к печати материалы. Это был настоящий архив. Старинные акты, копии с разных документов, вырезки из газет, письма и опять копии составляли громадный фолиант.

— Однако, Василий Никифорович, какой большой запас у вас еще не напечатанных материалов,— удивлялся я, перелистывая рукописи.

— Да ведь двадцать пять лет собирал... Теперь дополнений к напечатанному наберется целый том. Приходится по всей губернии ездить, вот и собираешь год за годом... Материал растет сам собой. Конечно, одному где же справиться... Вот эту копию старшая дочь делала, а эту — сын Володя. Да... Всею семьей работаем понемножку.

Часа полтора прошло для меня совсем незаметно в самой оживленной беседе. Я ехал на север, в Чердынь, и он сообщил много такого, чего нет в печатных источниках. Память у него была удивительная, и оставалось пользоваться только готовыми сведениями.

Интересный край — эта Чердынь... По летописи — старая Пермь. К сожалению, самый

город выгорал дотла несколько раз, и большинство исторических актов уничтожено огнем.

На прощанье я получил несколько адресов в Чердыни, к кому обратиться в случае надобности.

В Перми мне хотелось увидаться еще с двумя деятелями: Ал[ександром] Ал[ексеевичем] Дмитриевым⁷, который тоже работает по истории края, а потом с почтенным земским статистиком Е. И. Красноперовым⁸, но они пользовались каникулами и были в отъезде. Повидавшись еще кое с кем из старых знакомых, я отправился на пристань.

Летом Кама под Пермью очень красива — берег, уставленный пристанями и складами, — очень живое место, и работа здесь действительно кипит. Самые большие пристани, конечно, принадлежат волжским пароходам, а чердынское пароходство Лунегова приютилось в сторонке, под горой, на которой стоит кафедральный собор. Небольшая пристань и небольшой пароходик, разводивший пары, свидетельствовали о небольшой публике, которая ездит вверх по Каме. До Чердыни от

Перми с небольшим сутки пути, но я взял билет только до Усолья, куда пароход должен был придти на другой день.

В небольшой каюте второго класса я застал странную публику, которая сидела у стола в таком виде, как будто все собирались прощаться. Приготовленные саквояжи и разные узлы говорили о желании оставить пароход. На столе стояла бутылка с водкой и две тарелки с объедками.

— Этот пароход уходит сегодня? — осведомлялся я у пароходного “человека”.

— Так точно-с... Через час побежим-с.

— А эти господа что тут делают?..

— А так-с... — ухмыльнулся “человек”. — Пермские купцы-с... Пароход-то утром пришел, а они вот всё еще проклажаются.

Мое появление, видимо, расстраивало проклажавшуюся с чемоданами купеческую публику. Я не хотел им мешать и вышел на палубу. Обыкновенно на пристанях, когда отходит пароход, толпится масса провожающих, родных и просто любопытных, но чердынский пароход не интересовал даже пермскую скупающую публику. Саечник, два-три татарина

с лимонами, городской, несколько мужиков, носильщики — и только. В довершение всего пошел дождь. Не оставалось ничего, как идти в свою каюту. Пермские купцы с чемоданами всё еще сидели там, только на столе красовалась новая бутылка водки.

— Так как, Иван Федорыч... а? — спрашивал бритый господин, походивший на чиновника, уволенного по третьему пункту.

Иван Федорыч, громадный мужичище с опухшим от водки лицом и мутными глазами навывкате, видимо, составлял душу компании. Он только покачал своей громадной, как пивной котел, головой и хрипло проговорил:

— Я здесь останусь...

Все засмеялись, хотя смешного пока ничего еще не было.

— Нет, это не годится, Иван Федорыч: дома-то, поди, уж давно ждут... Жена, поди, все глаза проглядела.

— Ничего, подождут... А как я жене-то в таком образе покажусь?

— Да ведь не впервой?..

Пузатенький белобрысый купчик так и прыснул со смеху.

— Я прежде так делал, — заговорил Иван Федорыч, грузно вздыхая, — задним двором проберусь, потом через кухню в кабинет и сейчас выхрапку... А потом уж как стеклышко и объявлюсь.

Жена и догадалась: на замке держит задние-то ворота.

— А я через забор в этаких случаях... — прибавил от себя белобрысый. — Тоже совестно, ежели, например, прислуга увидит в таком виде...

— Уж на што хуже...

Опять смех и новая бутылка. Кутившие всю ночь на пароходе мужья не решались явиться домой “в этаким виде” и тянули время.

— Я всегда жене говорю, что пароход опоздал... — объяснял “третий пункт”.

— Тоже надуй их, жен-то... Нет, брат, старая штука. После третьей бутылки потребовали “человека”.

— Вот что, братец, уведи ты нас куда-нибудь... понимаешь?

— Как не понять-с... Пожалуйста на пристань, там есть багажная конторка, так в луч-

шем виде-с...

Благой совет был принят, и компания пермских “мужей” очистила каюту, оставив после себя целую кабацкую атмосферу. Передав багаж в контору, компания побрела пешком по берегу Камы, но не домой, а куда-то к соляным амбарам. “Третий пункт” шел впереди и фальцетом выводил:

Во несчастный день во среду
Злые... злые турки собиралися-а!

III

Перед самым отходом парохода в общую каюту второго класса прибыла целая компания молодежи; это были студенты горного института, экскурсировавшие по уральским заводам. Молодежь — везде молодежь, и за ней идут беззаботный смех и веселье, как было и теперь. После живой картины из пьяных пермских мужей точно пахнуло свежим весенним воздухом...

Вид на Пермь с парохода очень красив, хотя город и скрыт за горой. Опять так и режет глаз административная затея — неизвестно

для чего вывести город на гору; такие постройки имели смысл и значение для старинных боевых городов, поневоле забиравшихся на высокое усторожливое местечко, а Пермь залезла на гору без всякой уважительной причины. Неудобств такого положения масса: от единственного своего богатства, Камы, обыватели отделены такими заломами и буераками, что не скоро доберешься до воды. Даже такое невинное предприятие, как сходить выкупаться — требует большой энергии и некоторой предприимчивости, потому что в жар спуститься к Каме и подняться в город — целый подвиг...

Наш маленький пароходик весело свистнул и пошел в “гору” то есть вверх по Каме. Скоро город и дымившая Мотовилиха скрылись из вида. Берега шли низкие, покрытые тощим болотным леском. Пароходная публика скоро запряталась по каютам, потому что нечего было смотреть. Оставался на трапе только один какой-то купец, разговаривавший с капитаном. Все как-то особенно внимательно оглядывали этого господина и что-то шептались между собой. Я решил про себя,

что это, вероятно, герой какого-нибудь банковского хищения или просто крупный банкрот, — и одет плохонько, и вид какой-то совсем особенный.

— Кто это с капитаном разговаривает? — спросил я подвернувшегося “человека”.

Мой вопрос доставил этому последнему видимое удовольствие, и он даже шаркнул ножкой.

— Это-с... это-с купец Брюханов, из Усо-
лья-с. Нонешней весной в лотерее не мало
выиграли-с... Господь счастья послал.

Признаться сказать, это известие произ-
вело и на меня такое впечатление, что
неволью захотелось еще раз взглянуть на г.
Брюханова. В самом деле, человек выиграв-
ший является каким-то мифом, хотя каждый
год бывает немало таких счастливцев. В газе-
тах по этому поводу провертываются только
разные сентиментальные случаи: выиграла
какая-то карамзинская бедная Лиза, потом бо-
гомольная старушка или молодой приказчик.
Но все эти известия оставляют после себя из-
вестное сомнение, а тут совершенно живой
экземпляр счастливца, которому завидуют де-

сятки тысяч владельцев выигрышных билетов. Да, он, этот избранник судьбы, ходил по пароходу и сам по себе решительно ничего особенного не представлял — купец как купец. Лицо длинное, нос длинный, борода небольшая, с проседью, общий вид нездоровый, какой бывает у заслуженных церковных старост; одет счастливцем был настолько скромно, что даже какая-нибудь канцелярская тля, получающая всего каких-нибудь двадцать рублей, и то не позавидовала бы. Что же, это недурно и показывает человека с характером, который не изменяет самому себе. Впрочем, выигрыш только что получен и некогда было измениться. На нашем пароходе г. Брюханов всё время оставался героем дня, и все смотрели на него, вытаращив глаза. Всех удивляло то простое обстоятельство, что вот, поди ты, свой, наш усольский — и вдруг такие деньги получил за здорово живешь!

— Конечно, первым делом благотворительные дамы в Перми с него свою пошлину взяли, — рассказывал угнетенно какой-то старичок. — Потом в Усолье хор певчих устроил. Всё как следует. Два парохода купил — из

Перми в Кунгур бегать.

Благодаря выигрышу г. Брюханова между Пермью и Кунгуром установилось правильное пароходное сообщение; что же, дело хорошее.

Верхняя часть Камы, начиная от Перми, самая оживленная; её можно смело назвать заводско-промышленной. Мы плыли по царству Строгановских имений, поделенных между наследниками. Заводы следовали один за другим: Хохловский, Полазнинский, Добрянский, Чермозский, Пожевской. С парохода можно было рассмотреть только один Добрянский завод, а остальные расположились в нескольких верстах от берега, как Чермозский или Пожевской. Особенно замечательны две реки, впадающие в Каму с правой стороны, — это Обва и Иньва; обе служат живым ключом к самым населенным на Урале местностям, а Иньва, кроме того, составляет вполне пермяцкую реку, потому что в ее бассейне сосредоточилось все пермяцкое царство с своей столицей Кудымкар. Не нужно смешивать древних пермичей или пермитян с иньвенскими пермяками-инородцами: между ними

ничего общего нет — первые составляли в верховьях Камы аванпост волжских серебряных булгар, а последние — какая-то отрасль зырянского племени. Между прочим, мы были введены в немалое заблуждение Решетниковым, который в своих “Подлиповцах” описывал именно пермяков-инородцев. Сысойко и Пила являлись не русскими типами, а представителями вырождающегося пермяцкого племени. Этот крошечный народ давно обратил на себя внимание ученых людей, и о пермяках, благодаря трудам Теплоухова⁹, Рогова¹⁰ и др., составила целая литература. В Пермской губернии пермяков насчитывают до 80 тыс., да в Вятской около 10 тыс. Замечательно то, что удержалось много пермяцких названий рек: Чусовая (чусь — быстрый, ва — вода) — быстрая вода, Иньва — бабья вода, Ёгва — грязная вода, Юсьва — лебединая вода и т.д. Пермязкий язык имеет 17 падежей. Знаменитые пельмени, (правильно: пельнянь — хлебное ухо) обязаны своим происхождением пермякам; по крайней мере, им приписывают его пермяцкие патриоты. Есть и национальный напиток: брага. Пермяки пьют ее в ужа-

сающих количествах. Достоинства такой пермяцкой браги перед водкой или фабричным пивом неисчислимы: она питательна, здорова и дешева. Приготавливают брагу дома, для домашнего обихода, следовательно, не может быть и речи о каких-нибудь вредных примесях или акцизе. В крестьянском быту, когда справляют свадьбы, годовые праздники или поминки, брага является благодеянием. Про пермяков на Урале сложилась пословица: “Худ пермяк, да два языка зна(е)т”.

Река Обва славится на Урале своими обвинками — маленькими крепкими лошадками, разведенными здесь по указанию Петра I. Теперь обвинки вывелись, а продолжает оставаться только одна слава. На р. Обве стоит знаменитое село Ильинское — главная резиденция Строгановских нынешних имений, а в устье реки — богатое Слудское село, знаменитое своими сплавщиками, лоцманами. Мы “пробежали Слудку” уже вечером, а наступившая ночь окончательно загнала всех в каюты.

Ехавшие компанией горные студентики произвели на меня самое хорошее впечатле-

ние; это уже новые люди в замкнутой семье старинных горных инженеров. Мы проговорили за полночь о горнозаводских делах, и мои собеседники оказались не учениками только, которые ползут от экзамена до экзамена, а вообще образованными людьми, что встречается не особенно часто. На Урале они были в первый раз и горячо интересовались всем, что относилось к их специальности.

— А вот первые болгарские горные инженеры, — рекомендовали мне двух сильных брюнетов, которых я сначала принял за кавказцев. — Им будет отлично... Прямо и начнут с последнего слова науки, да еще в болгарскую историю попадут, как первые пионеры горного дела...

Болгары порядочно говорили по-русски и весело отшучивались от комплиментов. Родом они были тоже из исторического места — из знаменитого прохода Елены в Балканах¹¹ и хорошо помнили последнюю русско-турецкую войну...

Утром на другой день я проснулся рано и часов в шесть был уже на палубе. Хотелось посмотреть новые места и полюбоваться кра-

савицей Камой при утреннем освещении. Погода за ночь изменилась к лучшему, и на синем июньском небе весело играло утреннее солнышко. Волокнистая пленка тумана еще кутала воду кое-где по заливам и побережью, но середина реки переливалась глубокой синевой; её бурили те водяные вихри, которые придавали поверхности реки блеск тканого шелка. Какая сильная и могучая река, и как напрасно пропадает эта великая даровая сила: пробежит какой-нибудь жалкий пароходик, проплывут две баржи да несколько лодок, — вот и всё движение по такой громадной живой дороге. Да и берега совсем пустынные: заливные луга, редкий лесок и опять луга. Редко попадается деревня, но пашен много. Земля уж не чета нашему зауральскому чернозему — суглинок, а то и сплошной песок. К такой земле много нужно приложить трудов праведных, чтобы она сделалась “родимой” и “украсила зернышком” трудовую ниву. От Перми мы плыли уже по третьему уезду — Пермский, Оханский, Соликамский. Всё это такие бедные и жалкие уезды, как и вообще всё Приуралье, за исключением, мо-

жет быть, одного Красноуфимского; население какого-нибудь Оханского уезда является самым густым для Пермской губернии: 20,3 человека на квадратную версту. В Чердынском уезде на квадратную версту всего 1,4 человека.

— Плохие ваши места... — говорю я какому-то старичку, который тоже смотрел на Каму.

— А чем плохи?..

— Да всем: и земля плоха, и беднота кругом.

— Что поделаешь: господская земля кругом... А то бы жить можно, ежели бы, например, земля... Вот заливные-то луга, так аренды за них по восьми рубликов платят Лазареву. У Строгановых нынче большая прижимка тоже... Смотрелись крестьяны. Вот у нас в Орле, так всё единственно: есть она, земля, нет её... Ни одного фунта не пашем.

— Ты из Орла?..

— Точно так...

— Сплавщик?

— Бывает...

Орел-городок, как и Слудка, является лоц-

манским гнездом. Я много слышал раньше об этом селе, и встреча с орловским лоцманом давала случай познакомиться поближе. Благообразный старик оказался разговорчивым и бывалым человеком. Начал он свою жизнь мальчиком у чердынских купцов, которые вели дело на Печоре — скупали знаменитую печорскую рыбу. Потом мало-помалу закинул и свое заделье в компании с другим молодцом: сколотились деньжонками, снарядили суденышко, и денежка оправдалась. На Печору возили соль, а с Печоры рыбу. Дело верное, только далеко уходить надо. Потом придумал он баржи строить — дети большие, помогать будут. Сейчас выкинул плотбище на р. Вишере, и пошла работа. Опять жить можно, слава богу.

— Да вот попенными¹² доняли нас, баржовщиков, — продолжал старик: — с 1878 года с баржи-то одних попенных платил больше двух тыщ рублей, а барже всей-то цена восемь тыщ да надо еще по нынешнему времени их взять. Затишало дело с лесом... Ну, я нынешним летом и вздумал сплавать в Петербург.

— На пароходе?

— Зачем на пароходе, — на барке, лоцманом. С Вишеры увел две барки с железным блеском и предоставил их в Колпино, к хозяину, значит, к Цпицу...

— Это щеголихинскую руду с Ивановского прииска?..

— Её самую... Целая гора руды-то. Это по Вишере вверх надо к Камню идти; там и жилья нет. Мы о великом посту на лыжах туда ушли, построили две барки, нагрузили 60 тыщ блеску да по паводку и сплыли на лотах¹³. Цпиц-то молодец: домны строить хочет и железную дорогу наладит.

История с открытым на Вишере месторождением железного блеска характеризует наших родных предпринимателей. Оно сделано г. Ще-голихиным¹⁴, который сам не мог воспользоваться открытым богатством, а принужден был его продать. Свои промышленники так и не обратили внимания на лежавшее под носом богатство, а приобрела его какая-то иностранная фирма.

— Вон и Кондас! А там верст восемь подадимся вперед, и наш Орел, — говорил лоцман, указывая на правый берег. — На горке-то дом с зеленой крышей — это лесопромышленник Кирьянов живет. Он в Астрахань по лету белян до пяти сплавляет... Богатимый мужик — вся округа им кормится.

Кондас — красивый уголок. К реке выдвинулся крутой бугор, а на нем утвердилась хоромина местного богача. Сама деревня рассыпала свои домишки по берегу. Да и какая это деревня — всю-то её взять да сложить в одну беляну. Под самой деревней Кама делает крутую излучину, в которую и впадает небольшая речонка Кондас, а вверх по течению разлегся большой остров. Одним словом, все условия для плотбища. Лежавшая на берегу недостроенная беляна служила вывеской засевшему на горе лесопромышленнику.

Когда пароход подходил к Орлу-городку, на палубе собралась чуть не вся публика — всякому хотелось посмотреть на сказочное село. Вид на Орел издали ничего особенного не

представляет: высокий глинистый берег, уставленный крепкими избами, каменная белая церковь, ряд лодок на берегу — и только. Ближе можно рассмотреть что это не избы, а дома на городскую руку. Есть даже каменные постройки, а железных крыш и не перечесть.

— Теплое местечко!.. — слышатся голоса. — И бабы орловские дошлые... Эвон, закатывают на лодочках. Ловко... Скотину всю держат за рекой. Вон у них и стаи для коров наделаны... Утром и вечером бабы ездят коров доить. Здешние бабы огородницы...

Действительно, на левом берегу Камы образовался целый городок коровьих хлевов. Целое лето скотина пасется на заливных лугах. Пароход дал свисток и убавил ход — на корме алел кумачный красный платок, а другой бабий платок работал веслом.

— Ну, прощайте, барин! — прощался со мной орловский лоцман. — Ужо приезжайте к нам в гости... Из Усолья-то рукой подать.

Лодка ловко причалила к пароходной лесенке, приняла пассажиров и отвалила. Сидевшие в ней бабы одеты были в ситец, и хо-

тя особенной красотой не отличались, но зато какой это был здоровый и ловкий народ! У сидевшей на корме весло было расписано сусальным золотом, а у другой такое пестрое, что больно смотреть. Какие-то сказочные бабы, да и только...

— Радуются, а не живут в Орле... За двадцать лет ни одного убийства не было.

— Уж на что лучше! Мужики лоцманят, а бабы домашность всякую справляют... На Слудке хорошо живут, нечего сказать, а здесь, пожалуй, почище. Природное у них рукомесло.

Всех дворов в Орле не больше двухсот, но они так широко рассажались по берегу, что производят впечатление очень большого селенья. Глядя на него, я думал, что вся Кама могла бы уставиться такими селами, если бы... Это “если бы” сложилось тяжелым историческим путем и досталось Приуралью в наследство от Москвы, закабалившей фамилии Строгановых громадную площадь земли. От Усолья и до Осы вы едете сотни верст по настоящей владельческой земле, да настолько же она раскинулась в ширину. Это целое цар-

ство с сотнями тысяч бывшего крепостного населения. Когда-то всё это принадлежало одним Строгановым, а теперь распалось по боковым линиям. Четыре заводских округа — Чермозский, Пожевской, Очерский и Лысьвенский занимают площадь земли в 2639991 десятину. Самым крупным владельцем здесь является гр. Сергей Ал. Строганов, которому принадлежит 726569 десятин; за ним следует кн. Ел. Хр. Абамелек-Лазарева — 541877 десятин, потом гр. Петр П. Шувалов — 479451 десятина, “франко-русское общество” — 317167 десятин, наследники д.с.с. А. П. Всеволожского — 269038 десятин, наследники П. П. Демидова кн. Сан-Дonato — 142814 десятин, наследники гр. А. П. Шувалова — 30907 десятин и “Камское акционерное общество” — 28482 десятины. Как видите, счет идет на очень почтенные цифры. Всех заводских земель на Урале больше 8 миллионов. Из них половина принадлежит владельцам на праве полной собственности, а вторая половина делится не поровну между казной и посессионными заводовладельцами¹⁵, — последним принадлежит около двух третей этой второй полови-

ны. Интересно, как распределены эти заводские дачи в географическом отношении: главная владельческая площадь сплошным пространством залегла в бассейне Камы, Средний Урал занят посессионерами и казной, а на юге опять владельческие дачи и отчасти казна. Такое расположение ясно показывает, каким путем шел захват Урала, и что центр чисто владельческих земель — это бывшие Строгановские владения. Наши уральские лэндлорды¹⁶ были заготовлены еще Москвой, а Ирландия уже будет сама собой и даже есть уже теперь... Стоит взять положение промышленного населения на солеваренных заводах в том же Соликамском уезде: в Усольской волости на ревизскую душу приходится 0,63 десятины, в Лёнвенской -0,84 десятины и в Дедюхинской — 1,07 десятины. Но это еще счастливыцы — всё-таки хоть жалкий клочок земли есть, а вот в даче кн. Абамелек-Лазаревой, так там у заводского населения полный земельный нуль. В Чермозском заводе, например, платят за усадьбы оброк по 1 р. 50 к. с души, а землю арендуют по 8 р. за десятину — это дрянной камский суглинок, когда вся за-

уральская Башкирия с её великолепным степным черноземом сдается по рублю с десятины, а в казачьих землях Оренбургской губернии такая аренда падает до смешной цифры в 20-30 копеек за десятину. Вообще всё горнозаводское население осталось на Урале без земельного надела; во многих дачах не отведено даже выгона, как в Кыштымских заводах; но нужно отдать справедливость приуральским заводладельцам, которые берут оброк даже за усадьбы. Лэндлордство ведет за собой неизбежно пролетариат; в России таким пролетариатом является население уральских горных заводов... По казенной статистике, таких “обращающихся на заводских работах” рабочих на Урале насчитывается больше 86 тысяч. Если прибавить семьи к этим “обращающимся”, то получится крупная цифра за 300 тысяч, а в действительности она гораздо больше, потому что в заводских дачах проживает миллионное население.

Всего лучше положение населения на казенных горных заводах, и поэтому следует хранить неприкосновенность уцелевших от расхищения казенных дач, как зеницу ока:

это вечный земельный фонд для растущего на владельческих заводах пролетариата. Впереди у уральских заводчиков неизбежный крах, и нужно подумать о несчастном населении, запертом во владельческих дачах...

Самым больным местом Строгановских земель являются дачи наследников в боковых линиях. Тут всё дело велось через пень-колоду. Одни заводы Всеволожских или Шуваловых чего стоят!.. Незнание заводского дела, неспособность владельцев и высасывание из заводского дела последних питательных соков повело к полному разорению. Конечно, это, прежде всего, отражается на рабочем заводском населении, и есть такой завод, из которого все буквально бежали, а дома стоят заколоченными наглухо, как после чумы. Единственное спасение для этих бедствующих заводских дач заключается в том, чтобы их прибрали более умелые руки. Процесс такого отчуждения уже начался, как мы видим, на двух заводах Пожевского округа — Александровском и Никитинском (Майкорский тож), купленных Демидовым, а также на тех заводах, которые приобретены от владельцев ак-

ционерными компаниями. Следовательно, это только вопрос времени, когда произойдет отчуждение и остальных. А между тем как бы могли хорошо работать здешние заводы: каменный уголь под рукой и даже для него проведена железная дорога — Луньевская ветвь. Каменный уголь так и будет лежать, пока заводы не уйдут с молотка...

Кстати, приведу здесь интересный случай с этой землей, которая меряется то сотнями тысяч десятин, то десятичными дробями — середины нет. В Осинском уезде есть две заводских дачи, Уинская и Шермяитская, при которых земли числилось 216 тысяч десятин. Первоначально эта заводская земля была куплена Глебовым (кажется, родственник Скавронских, игравший в XVIII в. большую роль в сенате) у татар “сибирской дороги” на довольно оригинальных условиях: от Шермяитского завода на 50 верст в окружности. Заводы и право на землю у Глебова приобрела впоследствии граф. Рошфор. Новая владелица захотела определить границы своей дачи, но сейчас же возник спор, решенный сенатом в пользу графини. Тогда она заявила новое требова-

ние, именно, что 50 верст нужно считать старинные, т.е. по 1000 сажен верста, и таким образом радиус ее владений являлся уже в 100 верст. Когда межевые чины прикинули на приклад эту новую меру, то оказалось, что нужно будет размежевать в заводскую дачу много владельческой земли, дачи государственных крестьян и два уездных города — Осу и Оханск. Конечно, такое громкое дело подняло на ноги массу заинтересованных лиц — вопрос шел о двух миллионах десятин. На этот раз владелица проиграла, потому что ей было отказано в рассмотрении дела судебно-межевым порядком. А чтобы вести его в исковом порядке, приходилось, прежде всего, внести громадную судебную пошлину: оценка земли произведена была всего в 3 р. десятина, но и на таких условиях иск составлял 6 милл. рублей. Гр. Рошфор не могла внести исковой пошлины, и дело заглохло. Но интереснее всего финал. Когда гр. Рошфор решила воспользоваться своими 50 верст., дача оказалась занятой: тут была и крестьянская земля, и заводская, и даже министерства госуд. имуществ, потому что давным-давно истекла вся-

кая давность, и владение утверждено по всей форме. Вообще это было одно из громких и запутанных дел, велось оно десятки лет и кончилось тем, что гр. Рошфор получила какие-то жалкие крохи...

V

Пароход подходил к Новому Усолью утром. — Посмотрите, какой американский вид! — восторгался кто-то из публики. — Дым столбом...

Действительно, издали вид на Усолье очень хорош. Оба берега Камы заняты сплошь всевозможными постройками: тут и обывательское жильё, и деревянные башенки над буровыми скважинами для добывания соляного рассола, и громадные амбары для склада соли, и десятки труб над солеварнями, и опять амбары, баржи, плоты и пристани, и даже вокзал железной дороги. Получается удивительно живая и бойкая картина, особенно если смотреть с середины усольского плеса на Каме: вы очутитесь в центре сплошного круга построек верст в десять. Могу сказать про себя, что я был поражен — это что-то

уж совсем по-американски, а на Каме ничего подобного нет. Ближе эта картина распадается на несколько отдельных частей. Собственно Усолье занимает один правый берег, а на левом в ряд вытянулись Березники, Лёнва и заштатный горный город Дедюхин.

На пристани усольских пассажиров уже ждали свои экипажи, а все остальные должны были отправиться в селенье по образу пешего хождения. Ни о “проезжающих номерах”, ни об извозчиках, конечно, не могло быть и речи. На мое счастье, попалась земская лошадь, оставшаяся не у дел, и я воспользовался ею, чтобы добраться до земской квартиры. Конец получался в несколько верст. Пароходная пристань для удобства публики поставлена на конце селения, где высыпали на берегу жалкие лачужки и в несколько рядов вытянулись соляные амбары. Центр был впереди. Картина соляного городка привлекательного ничего не представляет. Постройки все деревянные и все какого-то обветшалого вида: пропитанные солью бревна лупились измочаленными лентами, как вынутое из воды лыко. Пахло застоявшейся

сыростью и гнившим деревом. Бревенчатые башенки, в которых добывали соляной рассол, походили на сторожевые укрепления старинных городов. К каждой такой башенке проведены были деревянные штанги самого первобытного устройства. По кирпичным и железным трубам можно было догадываться о существовании варниц, по наружному виду походивших отчасти на сеновалы, отчасти на кирпичные сараи. Слишком уж много дерева, и ничего такого, что напоминало бы обстановку заводского или фабричного дела, точно вы по щучьему веленью перенеслись в доброе старое время московского лихолетья или еще дальше — к эпохе новгородских ушкунников и Марфы Посадницы¹⁷. Рабочих было почти не видно, и только валивший из некоторых труб дым говорил о какой-то невидимой работе.

— Работают на варницах? — спрашивал я земского возницу.

— Це ино? — нараспев и с чердынским акцентом ответил он. — Которы работают, которы нет...

Само по себе Усолье — довольно красивое

селенье, с типичным промысловым характером. Середины не было: или лачуги обывателей, или хоромины солеварных магнатов. На главной площади — собор старинной архитектуры и кругом базар, тоже устроенный по старинному. Получалось что-то такое особенное — село не село, город не город, завод не завод. Вон хмурятся на берегу каменные палаты Строгановых — совсем уж они не гармонируют с остальной бревенчатой мелюзгой, а потом опять чьи-то хоромины и опять деревянная ничтожность. В собственном смысле слова, живут здесь одни управляющие промыслов, а остальное причастное соляному делу промысловое человечество только влачит существование, выражаясь высоким слогом.

Земская станция скромно приютилась в каком-то закоулке. В Усолье у меня не было ни одной души знакомой, но, на мое счастье, на станции я случайно встретил своего приятеля, г. Б. Мне хотелось осмотреть варницы, а потом знаменитый содовый завод бр. Любимовых в Березниках — единственный содовый завод на всю Россию.

— Мы сегодня же всё можем осмотреть, —

решил мой знакомый.— Только нужно достать разрешение...

Добыть последнее оказалось не так-то легко. Мы забрались к какому-то управляющему и отрекомендовались. Оказалось, что нужно было дать чуть не присягу, что мы не будем сами варить соль, как только осмотрим промыслы, а главное — грозила опасность, что мы предвосхитим чудеса усольской солеваренной техники. Мне, наконец, надоела эта глупая церемония, и мы ушли ни с чем.

— Лучше всего отправиться прямо в Березники к Любимову, — советовал огорченный неудачей г. Б. — Там гораздо проще...

Так мне и не удалось познакомиться собственно с усольскими промыслами, основание которых восходит к началу XVI столетия. Усолье вначале принадлежало Строгановым, а теперь право собственности на промыслы распалось. Львиная часть осталась всё-таки за Строгановыми, а за ними уже следуют наследники графа Шувалова, кн. Абамелек-Лазарева и кн. Голицын. В общей сложности усольские промыслы дают около 7 мил. пудов соли.

На пути в Березники мы осмотрели старинный собор, напоминающий новгородскую старину. Чтобы добраться до содового завода, мы должны были с версту тащиться по песчаной отмели и потом через Каму переправились на пароме. Вид отсюда получался замечательно хороший, а Березники смотрели совсем по-европейски: на первом плане пятиэтажное здание содового завода, рядом сосновый парк, в парке “господский дом”, а дальше начинались соляные варницы, амбары и бревенчатые башенки. Когда паром толкнулся о берег, на нас так и пахнуло ядовитыми газами громадного химического завода. Оригинальную картину представлял вблизи сосновый парк: деревья совсем высохли, и зеленая хвоя оставалась только кое-где внизу. Всё это была работа выделявшихся при производстве газов.

Управляющий промыслами в Березниках г. Самосатский оказался гораздо любезнее своего предшественника и сейчас же выдал нам пропуск для осмотра всякого производства; он, видимо, не подозревал в лице скромных туристов конкурентов, которые высмотр-

рят всю механику дела и сейчас же соорудят второй в России содовый завод.

Мы проехали по умиравшему парку, миновали новенькие корпуса с квартирами служащих и, наконец, предъявили у сторожки свой пропуск.

— Пожалуйте...

Внешний вид содового завода напоминает хорошую вальцовую мельницу; всё производство сосредоточено внутри, а на заводском дворе попадались только кучи колвинского известняка, каменный уголь и разная фабричная ломь. Осмотр мы начали с нижнего этажа, где стояли паровые машины и где мы вступали сразу в специфическую атмосферу вредных газов: засадило в горле, завертело в носу и заволокло глаза слезой.

— Ну, это мое почтение... — заявил я, зажимая нос платком.

— Да, ничего... для первого раза, — согласился Б., принимаясь чихать.

Выделявшиеся при содовом производстве газы донимали не нас одних, а доставалось всем: рабочие имели испитой, жалкий вид, а металлические части машин были покрыты

ржавчиной. Особенно непривлекательный вид имели громадные цилиндры из толстого котельного железа, в которых совершались разные химические тайны; железо снаружи было покрыто толстой корой из ржавчины, точно коростой, натеками и полосами скипевшейся белой массы и сочившейся откуда-то водой. Конечно, не могло быть и речи о щегольстве машин, как на железных заводах. Прибавьте к этому грязь на полу, сырость и носившуюся в воздухе известковую пыль.

Во втором этаже мы нашли служащего, который и показал в порядке производства всё дело. Наш Вергилий¹⁸ имел общий вид со всем живым, что попадало в эти стены: зеленоватый цвет лица, чахоточно-ввалившуюся грудь и вообще самый болезненный и натруженный облик. Переходя из этажа в этаж, мы обливались самыми непритворными слезами, чихали и кашляли, как овцы. Наши носы были сконфужены окончательно, точно составляли какой-нибудь фильтр при содовом производстве.

— У меня голова кружится... — заявлял Б., хватаясь за перила последней лестницы.

— Всякое дело необходимо доводить до конца, — резонировал я, стараясь дышать через платок.

— Это только сначала, а вот мы привыкли, — успокаивал путеводитель.

Особенно эффектно было отделение, в котором стояли чаны с осаждавшейся в них содой. Здесь рабочие работали, завязав рот платками, а один дышал через губку. Это было какое-то чистилище... Последний акт заканчивался под машиной, насыпавшей готовую соду в деревянные бочки — такая прекрасная сода, блестящая самой невинной белизной.

— Совсем готовые бочки с содой поступают на баржу и отправляются на низ, — объяснял служащий. — Всего в год завод вырабатывает до 800 000 пудов, но может и увеличить производство.

Сода, как известно, есть угленатровая соль, употребление которой самое разнообразное, начиная с технических производств, как мыловарение, стекловарение, беление и мытье тканей, приготовление красок, и кончая медицинской кухней, где она получила значе-

ние уже “домашнего средства”. Способов добывания соды очень много; самый употребительный до последнего времени был изобретен Лебланом¹⁹. Но тотчас появилось много новых видоизменений: Шелле, Carnu, Kopna, Turkck’a, Hunt’a, Cossade и др. Особенно важное значение получил в последнее время так называемый аммиачный способ, разработанный Шлезвигом²⁰ и Сольве²¹. Завод в Березниках построен самим Сольве и представляет последнее слово науки. Одним из важных преимуществ этого способа является то, что соду вырабатывают не из поваренной соли, как делалось раньше, а прямо из натурального соляного раствора, какой выкачивается здесь из буровых скважин. Считаем себя не в праве передавать подробности химического производства на заводе в Березниках — это раз; а второе — это слишком специальный вопрос, и, в качестве туриста, можно что-нибудь напутать. Для обыкновенного читателя достаточно сказать, что сода здесь готовится из соляного рассола и углекислоты, получаемой при обжигании известняка, и что прежде чем получится всем известный белый

порошок, он проходит такой сложный курс, что, по справедливости, заслуживает аттестата зрелости. Мысль основать содовый завод именно в Березниках вызвана стечением самых благоприятных местных условий: соляной рассол под руками, известняков по Каме сколько угодно, а в довершение всего — каменный уголь, доставляемый к самому заводу по Луньевской ветви Уральской железной дороги. Этого угля содовый завод потребляет 1800000 пудов в год. Постройка завода начата в 1881 г., а пущен он в действие в 1883 году. Можно пожалеть только о том, что содовое производство с первых же шагов потребовало покровительственных пошлин, а это плохой признак.

— А сколько времени может проработать человек на заводе?— спрашивали мы нашего возницу.

— Да с год, поди, поробит... Один тут есть рабочий, так он с самого началу робит. Весь изветшал, еле на ногах держится, потому дух донимает от этой соды... А другие не могут перенести. Вон дерево — и то сохнет, где же живому человеку держаться...

Получался в результате очень грустный факт, и мы можем сказать от себя только одно: неужели нет никаких средств, чтобы устранить подобные антигигиенические условия? Мы видели работу в шахтах и огненную работу на железодельных заводах; обе они пользуются славой каторжной работы, но и они не оставляют такого гнетущего впечатления. С полным удовольствиемдохнули мы свежим воздухом, когда, наконец, выбрались из этого царства соды — есть еще солнце, и зелень, и живая вода, и вообще белый свет. Конечно, чудеса европейской техники велики, и всякое последнее слово науки почтенно само по себе, но им предпочитают свои допотопные способы и “средствия”... Именно к таким “средствиям” мы и перешли, когда приступили к осмотру соляных промыслов в собственном смысле. Да, здесь так и пахло еще новгородской стариной, начиная с промысловой терминологии: матица, цырен, обсадные трубки, лоты рассола, — всё это — коренные новгородские слова, за которыми стоит почтенная, пятисотлетняя старина. Еще новгородские промысловые головы

придумали всю нехитрую обстановку соляного дела, и оно дошло до наших дней почти в своем первоначальном виде, с очень небольшими дополнениями. Очень уж просто всё обставлено, так просто, что даже как-то не вяжется с действительностью грандиозного представления о 10-15 миллионах пудов ежегодно вывариваемой в этом крае соли.

Оба берега Камы под Усольем дают на известной глубине соляной рассол, и вся задача в том, чтобы поднять его наверх, а потом выварить соль. В Березниках солеварни устроены по общему типу. Мы начали осмотр с одной из бревенчатых башенок, где выкачивался из земных недр рассол. В вышину башня имеет около четырех сажен. Внутри два этажа. Интерес заключается в верхнем, где работает насос, приводимый в действие штангой. Представьте себе обыкновенную деревянную трубу, какой выкачивают воду из погребов и подвалов, — вот и всё. Разница в том, что эта труба уходит в землю сажен на 80 и более. Из трубы выливается в небольшой бак чистый, как слеза, рассол и отсюда уже по желобам и трубам проводится к месту своего назначе-

ния, то есть к солеварням. На вкус рассол отдает горечью морской воды и, падая каплями, оставляет после себя белую корочку соли, как горячий воск. В Березниках содержание самое лучшее — кажется, до 25% соли и более. В башенке стоит спертый, тяжелый воздух, — так и бьет в нос сероводородом.

— И всё тут? — спрашиваем мы рабочего.

— А чего больше-то? всё! — равнодушно отвечает он, даже не удивляясь праздному любопытству пристающих к нему соглядатаев.— Внизу рассол, а вверху машина: вот и вся мудрость.

Следующим номером является солеварня. Это целый ряд низеньких каменных корпусов; черный дым так и валит из их широких железных труб. Рассол из башенок проводится прямо сюда. Мы поднимаемся по отлогому накату в одну из таких солеварен. У дверей сидят полунагие рабочие, — без рубах, в одних “невыразимых”. Наше появление производит в толпе некоторое замешательство.

Один из рабочих даже стыдливо прикрылся рукой.

— Можно посмотреть?

— Можно... Только глядеть-то нечего, господа. Действительно, и здесь всё так просто, что даже непосвященный

человек может усвоить всю технику. Центр производства составляет громадная квадратная железная сковорода — это и есть цырен, или црен. В длину и ширину она имеет сажени по три, а глубиной, кажется, аршин. В цырен наливается рассол, а под ним топка. Рассол нагревается, вода испаряется, и в результате получается густая каша из соли. Её вынимают и просушивают на особых полатах тут же. Коротко и ясно. Между тем это усовершенствованная печь, и устроена она по заграничному образцу. Но если что и есть здесь усовершенствованное, так это газовая топка. Рабочим в солеварне приходится, как и на всякой другой огненной работе, нелегко, и они щеголяют почти в костюме Адама. Зимой, вероятно, достаётся тяжело, но всё это шутка сравнительно с работой на содовом заводе.

— Ничего, мы привышные, — отвечает долговязый солевар, показывавший нам завод. — Усольские да Соликамские на этом сто-

ят.

Совсем готовая соль сносится в магазины, а отсюда нагружается на баржи. Кроме рабочих мужчин, на солеваренных промыслах “обращается” много женщин-солонок. Положение этих последних самое незавидное, и о нравственности тут, конечно, не может быть и речи. Девушка, попавшая на промыслы, быстро пропадает, поступая в категорию отверженных. История везде одна и та же, где так дорог хлеб и дешева человеческая жизнь.

Мне хотелось посмотреть старинные солеварни, сохранившиеся еще на других промыслах; но в Березниках их не было. Идти и ходатайствовать пред управляющими не хотелось, — будет и того, что видели. По своей простоте, соляное дело заслуживает вообще внимания, а как исконный русский промысел оно представляет особый интерес. Когда-то во времена акциза у соляного дела шла большая игра, но нынче “с солью очень тихо”, и пермские солевары пошли по торной дорожке, проторенной горнозаводчиками: те же слезы о пошлинах и разных промышленных привилегиях. Как-то смешно даже говорить об этом,

когда ценная пушнина и камская соль составляли главные доходные статьи еще “господина Великого Новгорода”. Настоящий упадок соляного дела приписывают высокой казенной таксе на древесное топливо, неравномерным железнодорожным тарифам, подавляющей конкуренции “южных солей”, как донецкая, бахмутская и т.д. Уж этот юг! — на каждом шагу он солит нашим уральским заводчикам. Одним из вечных припевов этой сказки “про белого бычка”, конечно, служит масса двадцатитысячного промыслового населения, органически связанного с успехами соляного дела. Но всё это “слезы крокодила”, и если бы удалось отгородиться от Западной Европы китайской стеной, учредить внутренние таможи и соляные заставы, то всё же и тогда рабочему населению не было бы лучше. Господа заводчики скромно хлопчут о самих себе, а рабочий вопрос является только как припев... На Урале неизменно повторяется один и тот же факт: чем богаче заводчик, чем больше у него земли, и чем богаче земные недра, тем хуже заводские дела и тем сильнее вчиняются хлопоты о субсидиях, пошлинах, тарифах и

вообще покровительстве. Усольские соляные промыслы подтверждают еще раз эту истину: то, что в новгородский период считалось богатством, как соляные промыслы, в последней четверти XIX в., при всех злоухищрениях техники и последних словах науки, вопиет о помощи...

VI

Когда на следующий день наш пароход “Альфа” отплывал из Усолья, общее внимание столпившейся на трапе публики привлекла небольшая баржа, приткнувшаяся в излучине берега.

— Гли-ко, как попыхивает! — слышались восклицания.— Ловко!.. Ах, шут его возьми, Шилоносова! И паровушку приспособил...

— Восемьдесят цалковых зарабатывает каждый день, вот тебе и паровушка... Вон какая уйма досок на берегу наворочена.

— Уж это што говорить... Ишь, как пыхтит! В день-то и напыхтит восемьдесят цалковых...

Интересовавшая всех потеха представляла собой паровую лесопилку, поставленную на

маленькую баржу. Г. Шилоносков являлся, таким образом, изобретателем первой подвижной лесопилки, и эта незамысловатая штука всех потешала. Помилуйте, все лесопилки строились на сухом берегу, к каждой такой лесопилке пригоняли плоты, и намокшие на дворе бревна волокля на машину с таким уханьем, криками и воплями, что вместо работы получался кромешный ад. Одних лошадей сколько изувечат, а воздух насыщался самой крепкой руганью. И вдруг — ровно ничего. Сама машина подчалит к плоту, сама вытащит из воды бревно, сама распилит их, и остается только сложить готовый тес. Сторона лесная, бревен испиливают каждый год пропасть, и никто не мог додуматься раньше до такой простой и выгодной штуки. Попыхивавшая “паровушка” (паровая машина) приводила всех в восторг... Этот факт сам по себе достаточно иллюстрирует заматеревшую косность лесопромышленников, и немудрено, что в их среде г. Шилоносков является чуть не Эдисоном²². Помилуйте, какую штуку придумал!..

Мы весело “пробежали” мимо Березников,

миновали деревянный вокзал Луньевской железнодорожной ветви и потом могли полюбоваться Лёнвой и горным городом Дедюхиным. Дедюхинская старина так и бросалась в глаза, напоминая усольские промыслы: такие же почерневшие от времени здания, скученность построек и вообще старый промысловый стиль. Между Усольем и Березниками на Каме прежде лежал Побоищный остров, но теперь он сливается с усольским берегом и представляет из себя плоскую песчаную отмель. Свое название этот упраздненный остров получил от побоища, происходившего на нем в 1572 г. Тогда много было побито здесь торговых людей, принявших напрасную смерть от инородцев — вогуличей, остяков и др. Скоро соляное царство осталось назади, а впереди широким разливом уходила из глаз красавица-Кама. Опять заливные луга, тощие перелески, тощие нивы, и только изредка, точно из-за угла, выглянет деревушка. Врачующего простора сколько угодно, а между тем жить буквально негде... Если тесно в старой Англии и вообще в Западной Европе, то это вполне понятно: слишком мало земли и

слишком много населения; но здесь получалась какая-то наглядная несообразность: Соликамский уезд занимает площадь в 25000 кв. верст с населением обоего пола тоже что-то около 25 тысяч душ, а между тем есть волости, где крестьянский надел равняется на наличную мужскую душу 1,57 десятины (Пыскорская волость), 2,72 десят. (Орловская), 3,49 (Березовская) и т.д. О земельном наделе промыслового населения мы уже говорили выше — там счет идет на десятичные дроби. Еще лучше земельное положение следующего за Соликамским уезда — Чердынского: площадь уезда в 62 т. квадр. верст с населением в 90 тысяч, а вот какие наделы у крестьянского населения: на наличную мужскую душу приходится в Сыпучинской волости по 0,26 десятины, в Морчанской 0,49, в Корепинской 0,96 дес, в Покчинской 1,11 д., в Ныробской 1,25 д., в Вильгортской 1,27 д., в Аннинской 1,52 д., в Анисимовской 1,65 д., в Лекмартовской 1,96 д. и т.д. Понятно, что население здесь бедствует, а земельный простор остается сам по себе. В Чердынском уезде еще можно сослаться на болота, леса и вообще непроходимые дебри,

недоступные культуре, но в пользу Соликамского уезда и это оправдание нельзя привести: там на каждом шагу приходится считаться с делами рук человеческих, и за каждым таким подвигом стоит длинное историческое прошлое.

Да и города здесь такие, что любая сибирская деревня лучше — в Соликамске 4 т. жителей, а в Дедюхине 4 720 чел. Городской бюджет первого 17 тыс. р., второго 2S тысячи, а приход всего 1189 р. Одним словом, всё это города “с позволения сказать”, особенно по сравнению с такими как Екатеринбург, бюджет которого около 200 тыс. рублей. Конечно, везде есть свои исключения, и на Каме попадаются зажиточные селения, особенно раскольничьи, в которых непременно есть свое ремесло и торговлишка. К таким, пожалуй, можно отнести и Усть-Пыскорское село, вид на которое с парохода очень красив. Между Усольем и Чердынью это самое красивое место, и недаром наверху крутого берега красовался в былые времена богатый Пыскорский монастырь. Теперь от него осталась всего одна церковь, да и та стоит наглухо заколочен-

ная. Пыскорское плесо замечательно красиво, и Кама живой, переливающейся гладью уходит верст на двадцать. Если смотреть с вершины плеса, пыскорская церковь издали чуть брезжится, как восковая свеча. История Пыскорского монастыря, конечно, связана с фамилией Строгановых, больших доброхотов и милостивцев до монашеской братии. Строгановы отказали монастырю большие угоды и главное — соляные промыслы, которые послужили главной статьей монастырского богатства. Заметим здесь деятельный, промышленный характер, каким отличаются все северные монастыри. Соль тогда служила дорогим товаром, а пыскорские монахи вываривали её “большие тысячи” пудов. Благодаря этому в монастыре скопились громадные богатства. Пыскорская обитель гремела до самой Москвы. Дальнейшая судьба этого монастыря довольно печальна. Он просуществовал до 1756 года, когда его архимандриту Иусту пришла блажная мысль перенести монастырь на новое место, на Лысьву, в 8 верстах от старого монастыря. Сказано — сделано, и монастырь перенесен. Эта странная архимандритская

фантазия закончилась полным разгромом обители; в новом месте монастырь так захудал и опустел, что его решили уничтожить. Сначала был проект перевести его в Соликамск, но пермский губернатор Кашкин стоял за Пермь. Это было в начале восьмидесятых годов прошлого столетия. Канцелярская волокита шла без конца, десятки лет, а когда всё было решено, то в Пермь повезли пыскорские богатства натурой: кирпич, железную ломь, колокола, ценную рухлядь и т.д. Но чтобы построить новый монастырь в Перми, нужны были деньги, а денег не было; поэтому и состоялась оригинальная финансовая операция: губернская власть решила заложить в Вятке две пыскорских митры, оцененных в 40 тыс. р. Опять пошла волокита, кончившаяся даже уничтожением самого имени пыскорской обители. В Перми сохранилось несколько пыскорских древностей; в Вятке остались в закладе упомянутые выше две митры, да в народе сложилась поговорка: “Где был Пуст — там монастырь стоит пуст”.

— Сирота-сиротой стоит церковь-то... — с сожалением говорил старичок, чердынский

купец, когда мы “бежали” под Пыскором. — А какое место-то умильное!.. Раз в год в церкви-то служат... Всё разорили.

— А кто разорил-то?..

— Сперва Пуст, а потом... Господь знает, кто зорил-то. Старичок благочестиво вздохнул и перекрестился. Набравшаяся в

общей каюте второго класса публика состояла главным образом из лесопромышленников, ехавших на Вишеру заготавливать дрова для соляных промыслов. Были еще два молчаливых чердынских купца (“чердаки”, как называют чердынцев), один Соликамский солевар — и только. Половина места оставалась пустой. Разговоры шли исключительно о соли и лесных заготовках. Особенно типичен был один подрядчик, напоминавший московскую чуйку. Среднего роста, жилистый, с широкой костью, сыромятным лицом и узкими темными глазками, Иван Тихоныч так и бросался в глаза, как лесной человек.

— Прямо от пня, — говорил он про себя. — Да и всех-то нас Ермак оглоблей крестил...

— Это он — Сибирь оглоблей-то, — поправляли “чердаки”.

— Ну, и нам малым делом тоже досталось Ермакова крещенья...

Как бывалый человек, Иван Тихоныч скоро сделался душой общества и нарочно ломал из себя простачка. Когда разговор заходил о ком-нибудь, он напряженно вслушивался, потом улыбался и непременно повторял одно и то же:

— Как же, знаю — вместе как-то водку пили... Обстоятельный барин. Мы еще с ним из Усолья на одном пароходе бежали...

Знакомством с господами Иван Тихоныч гордился чисто по-подрядчичьи, хотя в начале и конце каждого такого знакомства стояла неизбежно водка. Другим осязательным результатом являлось непреодолимое стремление к мудреным словам, как район — Иван Тихоныч говорил: “мой радион”. Когда сели закусывать, он потребовал сои.

— Вам какой прикажете-с: кабуль-с или черепаховую-с? — спрашивал официант.

— Дегтю ему принеси... — шутили другие. — Туда же, сою еще знает!

— А то как же? — обижался подрядчик. — Около господ привадился к разному вкусу...

Что к чему следует — всё знаю. А что касемо водки, так даже сам удивляюсь, как это один человек может выдержать такую невероятность...

— Да ведь вон какой смолевый пенёк, ничего не делается.

— И то ничего... По вешней воде как-то изгадал под плот — плоты гнали по Вишере, ну, и ничего. Хоть бы насморк!.. Вдругорядь опять осенью по льду провалился — и тоже ничего... По пояс в снегу бродишь по неделям, в снегу спишь — тут закостенеешь, не бойсь.

— А много нынче дров-то взял на подряд!?

— Будет-таки... Тысяч сорок саженок надо приготовить.

Соляные промыслы истребляют страшную массу дров: больше 80 тысяч кубических сажень. Исключение составляют Любимовские промыслы, работающие на каменном угле. Приведенная выше цифра дров гораздо ниже действительности, потому что для одного Дедюхина, по словам ехавших подрядчиков, нужно было около 40 тысяч погонных сажень, т.е. полено в 6 четв. длины. Такая сажень обходится промыслам всего 3 руб., включая сю-

да и попенные деньги — 40 коп. Раньше взывали попенных 90 к. за сажень, но солевары выхлопотали себе пониженную таксу. Весь этот горючий материал добывается частью в верховьях р. Колвы, а главным образом по р. Вишере.

— Матушка наша эта Вишера, — говорил Иван Тихоныч. — Куда бы мы без неё-то делись?..

Как настоящий лесной человек, Иван Тихоныч говорил и по-пермяцки, и по-вогульски. Особенно он потешал публику ломаным пермяцким говором: “депка, кодила, екал, клеб” — так говорят не одни пермяки, а также и опермячившиеся русские. Из настоящих пермяцких слов по оригинальности заслуживают внимание: ыб — поле, ен-эшка — радуга, горэтань-кай — соловей, кут-юр — поп, серетыс — писарь, куль — чорт, му-ул-тын-падэ-сынъ — ад.

Город Соликамск — в стороне от Камы. От пристани Усть-Боровой, где открыты соляные варницы, до него, кажется, всего около двадцати верст. Почему город ушел от реки — объяснение в соляном промысле, откуда и на-

звание города: Соль-Камская, Соликамск, как есть Соль-Вычегодская, Сольвычегодск. Попав из благословенного Зауралья в здешние убогие места, невольно удивляешься быстрой перемене всех условий жизни и главных интересов: нет ни золота, ни платины, ни драгоценных камней, ни степного пригонного скота, ни бойкой хлебной торговли, ни зауральских рыбных озер, и разговоры идут только о соли, о лесе, о торговле печорской рыбой, о беличьем промысле, о чердынском рябчике — и только. Всё происходит в самых скромных размерах, точно самая жизнь втиснута совсем в другой масштаб. Краски не блещут здесь особенной яркостью, а красноречие цифр только раскрывает общую бедность. Но за этой неказистой действительностью стоит длинное историческое прошлое и по разным углам сохранились замечательные памятники старины. Если история Зауралья начинается с похода Ермака, то здесь нужно накинуть еще сотни лет. Можно пожалеть, что почти вся эта почтенная старина отчасти выгорела, а отчасти остается в неизвестности. Сохранились, главным образом, церковные

древности. Так, в Николаевской церкви в Усолье — евангелие 1603 года, написанное одною из именитых женщин фамилии Строгановых. Уставное письмо красиво и отчетливо, с раскрашенными заставками; вместо “у” везде “оу”, после “ш” и “с” везде поставлен юс; встречаются титлы, каких уже не употребляют. Листы скреплены такой подписью: “Лета 7111 августа в 31 день сия книга levhue на престольное домовое, церковное всемирного воздвижения честнаго и животворящаго креста господня в городе на Устье на Орле над Камою рекою усть Уявы (Яйвы) реки. Положение Никиты Григорьевича сына Строганова к своей вотчине для своего поминовения здравного и для своих родителей за упокой”. Это евангелие хранилось в Орле-городке, а в 1828 г., по указу пермской консистории, перенесено в Усолье. В церкви села Кудымкар сохранился колокол с латинской надписью: “Anno 1647 gloria Soli Deo”. По сельским церквям можно встретить и “де-Иисус на красках”, и запрестольную “Пятницу”, и разные приклады сканного и басманного дела²³ — гривны, венцы, оклады.

Интересно проследить летопись такого позабытого уголка, в котором, как в капле воды, отражается далекая “русская история”, — конечно, отражается только отдельными звеньями, как эхо. Возьмем для примера летопись Соликамска.

Основание города с точностью неизвестно, но его относят к 1505 г., когда на Чердынь напал сибирский царевич Кулук-Салтак, покоривший, между прочим, и Усолье Камское. Потом грабили Соликамск ногайские татары, так что соликамцы в 1552 г. обратились к Ивану Грозному за воинской помощью. Царь стоял тогда под Казанью и послал на защиту города складной образ Николая-Чудотворца.

В 1581 г. выжгли посад у Соликамска “сибирцы”. Город был деревянный, с деревянной стеной из восьмидесяти трех городков, пяти башен и четырех ворот. Боевой “наряд” состоял из двух медных пицалей, одна “пол-осьмы пяди поперечина”, а другая шести пядей.

В 1596 году через Соликамск провели дорогу в Сибирь, — раньше она шла на Чердынь.

В 1637 г. в Соликамске собирали с монастыря и церковей деньги на постройку городков и

острогов на Украине, в отвращение набегов от крымской орды, и тогда же собирали хлеб “для сибирских отпусков”.

В 1650 г. верстали под Смоленск на службу: от брата брата, от дяди племянника, от отца сына.

В 1656 г. случилось “оскорбление жителей болезнью”, для избавления от которой соликамцы дали обет: “Летом, по вся недели, соборне приходить с честными кресты к башне”. Того же года произошло в Соликамске чудо: исцеление человека расслабленного, а в следующем году весь город выгорел, так что даже жители разбрелись.

В 1668 г. Соликамск пострадал от наводнения.

В 1691 г. через Соликамск проезжал Эверт-Идес-Избрант²⁴, посланный из Москвы в Китай для переговоров.

В 1698 г. 17 августа в 10 часов дня накатила на Соликамск грозная туча: “сначала пошел черный густой дым, а потом составилось облако мрачное, что не могли распознать друг друга. Мрак сей продолжался полчаса, а после покрыло весь град огненной тучей, из

костей выпал песок с искрами, но вреда от этого никакого не было”.

В 1705 г. опять туча — “темная, аки дым, и окружив небо и всё побагрело, аки в крови, и ветер дышаше зело тепл, аки от огненного за-паления”. Тогда же получен указ о бритии бород всем купцам и посадским людям, а домовые бани переписаны и положены в оброк.

В 1710 г. присланы в Соликамск “пленные шведы полковники и офицеры”.

В 1711 г. усалец Егор Лаптев поджег хлебные амбары, за что его, осудив, закопали живого в землю.

В 1717 г. была большая водополь, а в 1718 г. проезжал через Соликамск известный историк В.Н. Татищев²⁵.

В 1721 г. был неурожай и народная перепись.

В 1724 г. “получено письмо, чтобы послать в сад его величества 1300 кедровых деревьев”.

В 1726 г. “явился образ Сретения господня, еже есть Убрус”, и в том же году доктор Мессершмидт²⁶ определил географическую широту Соликамска.

В 1728 г. “мимо Соликамска вели в Сибирь

Александра Меньшикова со всем семейством вместе, с прежде бывшею обрученною невестою Петра II, Мариєю Александровною”.

С 1731 г. начался целый ряд наборов: ставили рекрутов, высылали работников на постройку закамской линии крепостей, верстали драгунских лошадей и т.д.

В 1733 г. случились жесточайшие морозы, от которых погибло много людей и скота.

В 1737 г. Соликамск разжалован из провинциального в простой город, а в следующем году верстали в солдаты причетников, и было затмение, “аки огонь со всех сторон горел, а поутру была мгла и духота”.

В 1740 г. воеводой был в Соликамске капитан Гилгинский, ненавидевший “духовный чин”; при нем две женщины были “вкопаны в публичном месте живыми в землю” — одна, Марфа, за убийство и сожжение своего мужа, а другая, Парасковья, за удушение своего мужа в постели. В этом же году из Сибири через Соликамск возвращалась ученая экспедиция под начальством астронома Делиля²⁷.

В 1742 г. Соликамск видел целый ряд знатных персон: везли Остермана²⁸ в Березов, а

Миниха²⁹ и регента, блюстителя державы российской, герцога курляндского Бирона³⁰ “на Пелым”. В Соликамск был сослан Левенвольд³¹.

В 1743 г. 20 ноября “привезена радостная весть о замирении России с Шведскою короною камер-юнкером Возжинским, за что соликамскаго воеводы от канцелярских служителей и от граждан Соликамских он был подарен, со всеусердным желанием, 1000 рублями”.

В следующем году “неведомо кем принесен в Соликамск, в скотской рыжей шерсти, урод-человек”.

Дальше следуют в порядке лет — хвостатая звезда, генеральная ревизия, сыск воров и разбойных людей нарочитыми командами, “туча с великою бурей и нетерпимым громом”, и т.д.

В 1812 г. прислали в Соликамск 12 пленных французов, а в 1853 г. явилась холера.

Мы опустили длинную цепь пожаров, от которых Соликамск страдал то по частям, то весь; этой красной нитью связаны в одно целое все остальные Соликамские злоключения

и напасти. Единственным утешением служило то, что Усолье ухитрилось в 1842 г. выгореть на сумму 1762102 р. 77 коп.

Приведенные нами выдержки из летописи Соликамска дают обильный и характерный материал: сколько нужно было терпения, выдержки и старания, чтобы просто уцелеть. У себя дома жизнь тихая и безобидная, нарушаемая разве только огнем, водой и враждебными стихиями. Но зато со всех сторон на голову соликамцев дождем сыпались всякие беды — подавай деньги, подавай ратных людей, лошадей и корм разной чиновной челяди. Более живую связь с остальной Россией являлись ссыльные, да иногда проедет в Сибирь какой-нибудь знатный иностранец. А когда повернули сибирский тракт с Верхотурья на Екатеринбург, и этого не осталось, — Соликамск совсем захирел и стусеивался, обойденный потоком жизни. Странно даже представить себе такой город, у которого нет ни настоящего, ни будущего.

Соликамская старина, усольская, чердын-ская и вообще прикамская слишком тесно связаны между собой, чтобы рассматривать их отдельно. Особенный интерес представляет новгородский период этой истории, хотя о нем сохранились только отрывочные сведения, и многое приходится дополнять воображением. Насколько сильна была новгородская закваска, достаточно указать на это горластое новгородское “о”, которое из Новгорода перешло по Заволочью в Старую Пермь, а отсюда в Сибирь, — вся Сибирь “окает” так же, как “окали” новгородские гости, промышленники и добрые удалые молодцы ушкуйники. Передаточным пунктом на этом широком колонизаторском пути являлся Великий Устюг, и мы видим, что устюжские угодники и чудотворцы пользуются особым почетом в Сибири; из Устюга же вышел первый просветитель языческой Великой Перми, св. Стефан. Живучесть новгородского духа просто изумительна, и теперь еще можно проследить известную преемственность типов. Укажем

хоть на созданного торговой республикой “кулака”, до которого нынешним Колупаевым и Разуваемым³² как до звезды небесной далеко. В самом деле, новгородские “кулаки” забирали и обирали весь север и протянули свою цепкую лапу далеко на северо-восток, откуда шла ценная пушнина. Живым памятником этой горячей работы явилось быстрое вымирание инородческих племен и еще более быстрый захват земель. Типичным представителем этого всепожирающего новгородского духа является фамилия Строгановых, а потом целый ряд мелких “кулаков”, которые и по сей час гнездятся на бойких местах давно исчезнувших новгородских торговых колоний, ураганом пройдя по всей Сибири. Чтоб не ходить далеко за примером, стоит указать на прославившихся чердынских купцов, которые обирают всю Печору и Северный Урал — вот это типичный народ, еще не затронутый сатирою.

Раздумавшись на эту тему, я так и заснул с мыслью о новгородской колонизации и даже во сне видел что-то такое новгородское. Но спать так и не довелось, — только что начал

забываться, как в каюте поднялся шум.

— Вы ведь не барышни какие... — повторял чей-то хриплый голос.

— Отвяжись, чорт!..

— Вставай, Иван Тихоныч, а то за ногу выволоку и за пазуху всю бутылку вылью... Не барышня, слава богу!..

— Да ведь три часа ночи, дьявол, а он с водкой лезет...

— Сказано: не барышни...

Послышалась тихая возня, кто-то заохал, а потом уже поднялся настоящий гвалт. Как ни хотелось спать, но пришлось открыть глаза. Пароходная лампочка освещала такую картину: посредине каюты стоял молодой белокуроый приказчик с бутылкой в руке и божился всеми святыми, что обольет Ивана Тихоныча водкой. Это был настоящий русский молодец — рослый, могучий, с красивым, добрым лицом. Он был сильно пьян, но держался на ногах еще крепко.

— Побойся ты бога, Вася, ведь три часа утра... — уговаривал Иван Тихоныч, напрасно стараясь спрятаться под одеялом: Вася тащил его за ногу и сдергивал одеяло. — Васька, мот-

ри, не балуй, а то и в морду!..

— Да ведь не барышни... — повторял Вася, вытаскивая кого-то с верхней койки, как сушеную рыбу. — От хлеба-соли не отказываются...

Кончилось тем, что Вася разбудил и поднял на ноги всю каюту, за исключением меня — я притворился спящим. Началась попойка, и все быстро захмелели, потому что не проспались еще после вчерашнего “разговора”. Разгулявшийся Вася целовал Ивана Тихоныча и обещал вышвырнуть его в окно, если он будет барышней.

— Ну и навязался... а?.. — изумлялся подрядчик. — Осередь ночи от водки спасенья не стало...

Поднялось пьяное галденье и споры. Вася заметно процвел и сладко улыбался — ему нужна была компания, вообще живые люди, а то девать силу некуда.

— На Вишеру поползли? — спрашивал он, не обращаясь собственно ни к кому. — Народ грабить... Знаю, всё знаю... По полтине с сажени утянули опять, а народ с голоду пухнет.

— Да ведь никто не неволит... — огрызнул-

ся старик-подрядчик с вышибленным передним зубом. — Хошь — работай, хошь — нет. Своя воля...

— Это точно... гм... — мычал Иван Тихоныч. — Известно, не неволим.

Богатырь Вася вдруг ударил кулаком по столу и со слезами в голосе заговорил:

— Господа бархатники, пожалейте лапотника!.. Ведь вы-то сыты, по горло сыты, а еще жилы вытягивать хотите из простого народу... Поглядите, как он живет-то... что он ест... Беднота кругом... ребятишки голодают... что вы делаете?

— Ну, это уж от бога кому што, а мы не неволим.

— Эх, не то, бархатники... Иван Тихоныч, вот ты теперь лес вырубаешь, — не унимался Вася: — на Колве всё вырубил, теперь Вишеру догола разденете... Так я говорю?

— Известно... как же быть, когда, например, промысла, Вася?

— Весь лес вырубите, подлецы, и занесет нас песком... Верно говорю!.. Вот тогда и придет китаец... Неочерпаемая его рать, этого китаяца, а как лес вырубите, он и навалится.

Жить ему негде... вот он и придет!.. А вы свой народ изводите...

Богатырь закрыл руками лицо и заплакал.

Ничего не оставалось, как уйти на палубу, чтобы передохнуть свежим воздухом. Пароход подбегал уже к Вишере, Кама оставалась влево. На трапе никого не было, и я мог любоваться развертывавшейся картиной, не отвлекаясь ничем. Кама и здесь была так же широка, как и двести верст ниже, потому что главные водоемы были вверху. Та же широкая водная гладь, те же лесистые берега и редкие селенья там и сям. Не знаю, как на других, а на меня большая масса движущейся вниз воды производит неотразимое впечатление — смотришь и не можешь оторвать глаз. Как ни хороши наши зауральские озера, но в стоячей воде нет размаха, нет зовущего в неведомую даль таинственного голоса... А вот эта живая, движущая дорога поднимает в душе такое бодрое и хорошее чувство, точно и небо выше, и мир раздвигается пред вами. Около таких могучих рек вместе с вековыми лесами выросла и сложилась своя поэзия, цикл духовных представлений и особый

склад приподнятого душевного строя. В чем же тайна этого неотразимого движения текущей воды на наше воображение? Психическая сторона здесь разъясняется значением воды, как вечного движения. Даже ветер останавливается, а река всё идет, идет без конца, как шла тысячи лет до нас и как пойдет без нас новые тысячи лет. Движение — символ жизни, а отсюда всякая река — что-то живое, отвечающее неустанной работе, творящейся в неведомых глубинах души человека.

Живой узел, где сплетаются три таких реки, как Кама, Вишера и Колва, не мог остаться в стороне от истории, тем более что отсюда идут волокы на Печору, на Северную Двину и ряд путей на Каменный Пояс, как новгородцы называли Уральские горы. Именно здесь существовала мифическая Биармия, этот форпост и транзитный пункт приволжской Болгарии. Великий водный путь шел из Каспия по Волге и Каме и волоками соединялся с северными водными бассейнами. Мы думаем, что эта живая дорога существовала задолго до “пути из варяг в греки”, и её историческая роль закончилась еще до начала русской ис-

тории. В горле этого пути и залегла Биармия, кроме торгового значения, как самый важный транзитный путь, имевшая еще громадную, силу, как единственный ключ к дорогой пушнине, — меха тогда составляли главную ценность и в торговле служили меновой единицей. Счет шел на куны и на сорока соболей. Из таинственной глубины Средней Азии свозились сюда дорогие восточные товары, а из Скандинавии — варяжские изделия. Вообще место было бойкое, стоявшее на юру, и недаром новгородцы так неудержимо тяготели к нему даже тогда, когда волжский путь уже был загорожен татарскими ордами и серебряные Камские болгары совсем стушевались. Теперь этот исторический угол пуст, как пусто самое место бывшего болгарского царства. Как-то даже неловко видеть убогие русские деревушки на кипевших жизнью берегах — исторический поток обошел их давно и проложил новые русла.

— Вот и Вишера, — заявлял штурман, показывая рукой направо.

Кама раздвоилась, и наш пароход направился в правое русло, то-есть в Вишеру. Труд-

но сказать, которая река больше — обе хороши и обе могучи. Выдавшийся между ними мыс спускался к воде низкими поемными местами, а затем правый берег поднимался высокой кручей. Именно здесь нужно искать место старой Чердыни, как столицы Биармии. Нынешняя Чердынь, по счету летописцев, занимает уже пятое место и значение историческое имеет только условно. Она забралась выше Вишеры, на высокий берег Колвы, где раскинулось чудское городище. Может быть, это было выгодное положение в стратегическом отношении для борьбы с инородцами, но главенствующий торговый пункт здесь не мог быть ни в каком случае, потому что волоки остаются в стороне.

Пароход бежал мимо самых исторических мест, повитых тысячелетней давностью, и на этом историческом фоне еще резче выступало современное убожество. Собственно говоря, это сторона могил, добыча археологов... Недаром здесь найдены самые древние монеты и драгоценная утварь восточной работы, а в будущем предстоит, вероятно, настоящая археологическая жатва. Самый неопытный

глаз безошибочно может определить места, где когда-то ключом была жизнь.

По Вишере нужно подняться верст шестьдесят, а потом повернуть в Колву. Пароход бойко подвигался вперед, и время летело незаметно. В туманной дали уже забрезжился Полюд-Камень, одна из красивейших уральских гор, если не самая красивая. В хорошую погоду её видно за десятки верст, потому что Полюд стоит на берегу Вишеры совершенно отдельно, — это конечный пункт забежавшего далеко уральского отрога. Кругом него лесистая равнина, изрезанная живой сетью горных рек и речек.

Благодаря высокой воде наш пароход мог подойти к самой Чердыни, — летом это не всегда возможно, потому что Колва в жары быстро мелеет. Издали вид на город очень красив. На правом высоком берегу Колвы живописно сгруппировались городские домики, а впереди всех выдвинулись старинные церкви. Получалось что-то вроде кремля. Под береговой кручей разметало свои домишки предместье, а от него в гору шел крутой взвоз. Высота города вытеснялась плоским левым бере-

гом, уходящим в синевшую даль медленным подъемом. Вообще вид получался хоть куда.

— Где остановиться в Чердыни? — спрашивал я спутников по каюте.

— Да где тут остановиться, ежели нет знакомых или родственников! — недоумевали сведущие чердынские люди. — Проезжающих номеров нет... Разве к Спиридону Трофимычу толкнуться?..

— У них сноха недавно двойней родила, так неспособно будет... — отсоветовал Иван Тихоныч. — Лучше уж к Пал-Евстратычу — у домина. Аккуратный человек.

— Невозможно, Иван Тихоныч... У Пал-Евстратыча полы красят, и сам он в бане околачивается.

Словом, повторялась обыкновенная история: негде остановиться, и конец тому делу. Мне приходилось уже испытывать подобные случаи в Златоусте и в Челябине, поэтому огорчаться решительно не было никакого основания, да и впереди всегда остается единственное верное средство: попадетсЯ какой-нибудь мужик и выручит. Действительно, только

успел я ступить на чердынский берег, как мужик уже был тут, то есть даже не мужик, а самый оголтелый мещанин с ястребиным носом и чисто московской юркостью. Точно из-под земли появилась какая-то тележка, мой чемодан полетел на свое место, и мы бойко отправились в путь. Мещанин ужасно дергал руками, неистово махал кнутом, но лошадь не прибавляла хода, а тащилась казенной собачьей рысью, как бегают все мещанские одры.

— Где остановиться?.. — заговорил я.

— Сколько угодно, барин... К первосортному купцу вас предоставлю, где лучшие господа всегда останавливаются. У самой церкви... ну-у, ты, идол!..

Взвоз был крайне неудобен, и бедная лошаденка выбивалась из сил, чтобы вскарабкаться на кручу.

— А вы по какому делу будете? — расспрашивал возница, чтобы незаметно выиграть время. — Так-с, для удовольствия-с... Погода превосходная, и у нас господа на Полюд ездят кататься, ежели, например, канпания... Да ну, ты, — дикая, пошевеливай!..

Внутри город производит такое же приятное впечатление, как и снаружи — улицы широкие, всякое строение “в планту”, одним словом, как следует быть благоустроенному городу. Нужно заметить, что и здесь, как вообще в русских городах, главным архитектором были бесчисленные пожары — Чердынь выгорала раз пять, и от старинных построек остались одни церкви. Мещанин подвез меня к низенькому домику, юркнул куда-то в калитку и через минуту вернулся. — Пожалуйте...

VIII

Чердынь, как вечный город Рим, расположена на семи холмах. Московские грамоты её титуловали так: “Пермь Великая Чердынь”, а потом существовало еще другое название — Старая Чердынь. С трех сторон она, благодаря крутым оврагам, была совершенно неприступна, и только западная часть защищалась земляным валом. Сохранились остатки и других земляных укреплений, именно на восточной стороне, но назначение их трудно определить — без них с этой стороны го-

род был огражден достаточно, тем более что, по свидетельству летописей, все нападения на Чердынь делались с южной стороны. Скучившиеся на берегу церкви показывают центр существовавшего здесь когда-то кремля. И стены, и башни, — всё было деревянное, и всё давным-давно сгорело. Церкви старинной архитектуры, но построены в прошлом столетии. Вид из этого кремля на левый берег — один из красивейших на Урале: под обрывом берега глубоко внизу катится светлая Колва, за ней идут поемные луга, а дальше начинается сплошной лес, широким размахом подходящий к Полюду-Камню. Эта гора венчает картину. Представьте себе постамент памятника Петру I, увеличенный в несколько десятков тысяч раз — вот вам портрет этой горы. Полюд к городу стоит боком и рельефно выделяется на горизонте, точно гребень поднявшегося девятого вала. До него около тридцати верст, и отчетливо можно рассмотреть гору только в хорошую погоду, как это было при мне. Если Полюд скрылся в облаках — значит, будет ненастье. Свое название гора получила, по легенде, от какого-то разбойни-

ка Полюда, но слово это коренное новгородское — полюдье, полюд.

По народному преданию, Чердынь стоит уже на пятом месте, а где она была раньше — остается неизвестным, хотя по некоторым находкам древних вещей и можно догадываться, что одно из таких мест — на Каме, выше впадения в неё Вишеры. Самое название города нерусского происхождения, а существующие инородческие слова не дают еще объяснения: по-пермяцки “чер” значит топор, а слова “дынь” и совсем нет. Во всяком случае, русская история знает Чердынь уже на её теперешнем месте, что видно из ее завоевания. Именно в 1472 г. в Перми были обижены московские гости, и Иван III двинул свои войска на это сказочное царство. Конечно, это был только предлог, а завоевание Перми готовилось далеко раньше. Московские войска сначала повоевали город Искор, а потом Чердынь. Главными действующими лицами этого одоления были князь Федор Пёстрый и воевода Гаврило Нелидов. Они пленили в Чердыни пермского князя Михаила, а в других городках — Владимира и Матвея. Из пермских

воевод пленены были Кача, Бурман, Мичкин, Качаим, Изы-пар и Зырян. Московские воеводы послали Ивану III, в качестве военной добычи 16 сороков черных соболей, драгоценную соболью шубу, три панцыря, две сабли, шлем и 29 поставов немецкого (?) сукна. Замечательно то, что пермские князья были христиане, и в летописях сохранилось четырнадцать христианских имен пермских князей и княгинь. Пленных пермских князей отправили в Москву, но Иван III вернул обратно князя Михаила, который и стал править страной в качестве московского присяжника.

Но окончательное завоевание Перми произошло только в 1502 году, а последний пермский князь Матвей Михайлович, заподозренный в измене, был сведен с отчины в 1504 году. На его место назначен московский наместник князь Василий Ковер. Заслуживает внимания тот факт, что только в 1553 г. особой грамотой было запрещено наместникам руководствоваться судом и грамотами прежних великопермских князей — из этого можно заключить, что Великая Пермь стояла на высокой степени культуры. И тем более удивитель-

тельно, что от этого царства, прославленного еще в скандинавских сагах, не осталось никакого следа. Что за народ здесь жил, на каком языке он говорил, куда исчез — ничего неизвестно. Впрочем, и от волжской Болгарии ничего не осталось, буквально ни одного болгарского слова.

О Чердыни можно сказать, что она вся в прошлом; является даже сомнение, — не преувеличено ли это прошлое и даже существовала ли Великая Пермь летописей и грамот. Да, она существовала, и неопровержимым доказательством этого существования служит целый цикл так называемых пермских древностей, найденных и находимых до сих пор в области исчезнувшего царства. Можно пожалеть об одном, именно, что эти древности рассеяны теперь по столичным музеям или разошлись по рукам партикулярных любителей; а в самой Чердыни решительно ничего не осталось. Особенно много найдено было серебра: сосуды, чаши, блюда, украшения, браслеты, гривны, потом разное оружие, предметы домашней утвари и масса монет. Самые древние монеты в России найдены именно в Чер-

дынском крае: индо-бактрианские, сассанидские, византийские и золотоордынские. Автор известного “Хозяйственного описания Пермской губернии” Н. С. Попов описывает серебряную чашу, найденную в окрестностях Чердыни; на ней были рельефные изображения разных южных животных — слона, страуса, крокодила. Г. Смышляевым пожертвован петербургскому Эрмитажу серебряный ковш в 2 1/2 ф. весом, украшенный такими же изображениями; он найден тоже около Чердыни, и ученые относят его происхождение к Византии, именно к VI в. Особенно было много находок восточного происхождения. Из них обращает на себя внимание золотой браслет с вставками из сердолика; на нем арабская надпись: “Ищу того, кто любит меня, наперекор тому, кто запрещает мне”. Всё это жалкие остатки того “закамского серебра”, до которого так были падки новгородцы и из-за которого было пролито много напрасной новгородской крови.

Подбирался к нему и великий московский князь Иван Калита, о котором новгородский летописец под 1332 г. говорит: “Великий

князь Иван приде из орды и возверже гнев на Новгород, прося у них серебра закамского”... Новгородцы сначала отказали, а когда Калита пошел на них войной в союзе с рязанскими и низовыми князьями, начали предлагать 500 р. отступного. Калита не взял этих денег и помирился с новгородцами. Вопрос о закамском серебре является в истории темным — на Урале серебра нет, и всего вернее предположить, что оно в древней Биармии приобреталось путем мены на ценную пушнину от купцов азиатских и византийских. В Чердыни был свой собиратель этой древности, уездный судья Коновалов, и у него, как говорят, образовался целый музей, но всё это добро в одно прекрасное утро сторело. Остатки разнесли заезжие археологи, и теперь во всей Чердыни вы найдете всего две-три старинных вещи. Но находки продолжают встречаться, и археологам здесь есть над чем поработать.

По богатству и обилию этих находок в таком глухом углу можно безошибочно заключить, что древняя Биармия действительно существовала, и существовала именно здесь, но говорить о ней приходится с такими же до-

гадками и вероятиями, как о людях каменного или бронзового периода. Летописи и царские грамоты глухо молчат, за исключением года московского “одоления”...

Но если пермская старина отошла в область гаданий и более или менее остроумных соображений, то Чердынь всё-таки сохранила за собой интерес в другом отношении, — в ней еще живет старина новгородская, поскольку она выразилась в языке, песнях, обычаях, обрядах и всем житейском обиходе. Конечно, первое место принадлежит здесь языку, о котором Даль говорит так: “В Чердыни живет еще старина русская, как при царях, и притом старина не раскольничья: речь напоминает здесь Киршу Данилова³³ и Посошкова³⁴”. Случилось это потому, что Чердынь после завоевания царства казанского осталась совершенно в стороне от главного потока колонизации, повернувшей к южному приволью и в Сибирь. Собиратели древних русских былин, сложенных в Новгороде и Киеве, нашли их не на месте своего происхождения, а в Олонецкой губернии, куда занесло их вихрем смешавшихся исторических событий, как ве-

тер считает снег на край широкого поля. Предания, песни, поверья, притчи, сказки и весь обиход народного творчества на месте родины похоронены под позднейшими историческими наслоениями и заменились новыми бытовыми формациями, а здесь еще жива эта глубокая старина и хранит свой эпический склад. Достаточно указать на один цикл свадебных песен, сохранившиеся в Чердыни. Даже в чтении они производят сильное впечатление своей глубиной, выстраданной поэзией и сердечной женской правдой. Эти песни богаты такими оборотами, сравнениями и образами, сложены таким прекрасным старинным языком, что остается только удивляться создавшей их духовной мощи. В них как живая встает неприглядная историческая доля многострадальной русской женщины, вынесшей на своих плечах тройной гнет византийско-татарско-московской цивилизации. Если бы поставить на сцене такую чердынскую свадьбу, без ученых и артистических искажений, то это была бы наша глубоко-национальная, выстраданная целой историей опера, та русская правда, которая не нашла выхода....

Для этнографов, археологов и бытописателей Чердынский край является непечатным углом.

От громкого прошлого к бесцветному настоящему Чердыни нет почти никакого перехода, если не считать ряд пожаров, уничтоживших дотла чердынскую старину. Настоящее Чердыни очень скромно: это уездный город с 35 тыс. жителей и бюджетом в 15 т. рублей. Площадь уезда равняется 62 тыс. квадр. верст, а населения около 86 т. Бедность чердынского населения на Урале вошла в пословицу, и поэтому чердынское земство выбивается из сил, чтобы выполнить самые необходимые функции. Можно только удивляться, что это бедное средствами земство ухитрилось построить такие прекрасные училищные здания и очень хорошую земскую больницу. Это уж совсем по-американски — лучшие в городе здания принадлежат школам. Жаль только, что нет ни гимназии, ни прогимназии, ни профессиональных учебных заведений, — край так удален от учебных центров, что чувствуется самая настоятельная необходимость в среднеучебных заведениях.

Желающие дать детям гимназическое образование должны везти их в Пермь, то есть за 300 верст.

Пользуясь прекрасной погодой, я обошел почти весь город, благо он и так невелик. Побывал в земской управе, а потом у председателя Н. С. Селиванова, — было небольшое занятие. Между прочим, у него просмотрел несколько старинных книг. На одной из них — “Историческо-географическое описание Пермской губернии”, изд. 1800 г., на главном месте была курьезная надпись: “Только прошу читать со вниманием и табак не курить, и если кто покурит, у того пуп в правый пах уйдет, в чем и подписуюсь своею рукою. Св. Протоиерей Филарет Вечтомов. 1800 г.”. К этой надписи примечание другой рукой: “Отца Филарета, бывшего благочинным в чердынском Воскресенском соборе 35 лет, потом переведен в город Шадринск и там скончал свою жизнь”. Эти надписи достаточно характеризуют “налегающую мглу языков”... Мне хотелось узнать через г. Селиванова, не сохранились ли в частных руках какие-нибудь древности, но таковых не оказа-

лось, за исключением нескольких серебряных великокняжеских монет и еще двух-трех пустяков.

— Много было вещей у Алиных, да сгорели в пожар, — объяснял г. Селиванов. — Серебряный пояс был, кубки... Всё сгорело.

— А после Коновалова вещи куда девались?

— Часть сгорела, а другая так, по рукам разошлась... Тут еще история вышла с цепями... из Ныроба. Коновалов, когда был судьей, то сделал копию с железных цепей, в которые был закован Михаил Никитич Романов³⁵, когда сослали его в Ныроб. Цепи эти хранились в ныробской церкви. Теперь выходит так, что будто бы Коновалов увез настоящие цепи, а копию оставил в ныробской церкви. Один из его наследников продал потом эти цепи заводчику Голубцову, как настоящие, но опять говорят, что настоящие-то оставил у себя, а продал Голубцову вторую копию. Насколько всё это верно, не умею сказать, а продаю, за что купил.

Самым бойким общественным местом в Чердыни служит клуб. Иду туда закусить и

просмотреть новые газеты — извозчиков в Чердыни нет, поэтому приходится довольствоваться образом пешего хождения. Да и клуб рукой подать, так что ноги обывателей проходят сюда незаметно. Помещение незаметное, — как на железнодорожной станции средней руки, где по расписанию полагается буфет. Из передней ход прямо в бильярдную, а за ней уже зал, буфет, библиотека и проч. В бильярдной звонко щелкали шары, несмотря на полдень, — играл сам буфетчик с каким-то старичком “из отставных”.

— Желтого в среднюю! карамболь по красному! — громко выкрикивал буфетчик, вытягиваясь всем своим составом по бильярду. — Рраз... Ну-ка, Павел Митрич, черкните шар шаром по шару шара!..

Старичок, видимо, сердился и промазал, вызвав раскатистый, жирный смех веселого партнера.

— Будет тебе ржать-то! — оговаривал он. — Гусей по осени считают.

Буфетчик по свободному обращению, видимо, был свой человек в чердынском *beau mond'e*, и я через комнату слышал его *causerie*

с Павлом Митричем. В газетах, кроме старых новостей, ничего не оказалось, и приходилось довольствоваться бильярдными разговорами.

— А лошадку-то у Иван Федотыча я приспособил-таки, — весело рассказывал буфетчик, делая шара. — Как же-с... Не лошадь, а прямо сказать: дракон. На маслянице город брать будем... Иван-то Федотыч каждый день в двенадцать часов заезжал в клуб рюмку водки выпить, — ну, кучер как-то повел лошадь купать, а она вырвалась от него да прямо в клуб и придула... ха-ха!.. Не домой, подлая, бежит, а в клуб, потому место свое знает. Иван Федотыч по этому по самому и отдал её мне... Дуплет в середку-с!..

Общественной жизни в Чердыни, конечно, нет и званья, как нет её даже в таких городах, как Пермь или Екатеринбург. Довольствуются самым скромным прозябанием. Да и тон жизни здесь задают знаменитые “благодетели”, как называют купцов, ведущих торговлю с Печорским краем. Эти богачи пользуются громкой популярностью на всем севере, как идеал кулачества: не привезут хлеба — печор-

цы и сиди голодом. Все операции очень просты: из Чердыни на Печору везут хлеб и соль, а оттуда везут рыбу. Дело старинное, кондовое, установленное еще по новгородским торговым правилам, и необъятный край находится в кабале у десятка чердынских толстосумов. Эксплуатация идет жестокая и приняла уже, так сказать, нормальный характер. Но в последнее время над чердынскими благодетелями грянул гром: открывается так называемый “Сибиряковский тракт”, который соединит Печору с Обью, далеко минуя Чердынь. Если этот путь осуществится, благодетелям капут. До этого открытия благодетели продавали хлеб по 2 и 2S р. за пуд, сахар 40-50 к. фунт; а когда А.М. Сибиряков³⁶ открыл свое дело на Печоре, то цена муки за пуд сразу упала на 1 р. 25 к., а в 1887 году — даже на 75 к. Сахар продается по 18-20 к. фунт. Дело объясняется тем, что, благодаря дешевому водному пути, на Печору двинут сибирский хлеб, а в будущем предполагается двинуть туда и сибирскую соль, которая по достоинству гораздо выше камской. Удержится этот путь или нет — неизвестно. Сибиряковым затрачен на

него уже миллион, но дальше нужно правительственное содействие. Чердынцы ежегодно отправляли на Печору до 500000 пудов одного хлеба да 300000 пудов соли. Во всяком случае, вопрос о Сибиряковском тракте принадлежит к капитальным, и от него зависит уничтожение чердынской кабалы.

IX

Нам остается подвести итог всему сказанному о новгородском периоде древней Биармии.

На заре нашего исторического существования весь северо-восток был заполнен угро-финскими племенами, образовавшими полумифическое государство, известное в русских летописях под именем Великой Перми. В исландских сагах оно именуется Биармланд, а англо-саксонский викинг Оттер, живший во времена Альфреда Великого, называет его Биармос. Эта таинственная страна, прославившаяся ценной рухлядью, мехами и азиатскими товарами, привлекала к себе постоянное внимание храбрых викингов, которые не только воевали и вели торговлю с Биармией,

а не гнушались и родниться с пермскими князьями. Существует предание, что норвежские и датские конунги женились на пермских принцессах, добиваясь их руки, в случае соперничества, поединками. Последний поход в Биармландию в скандинавских сагах помечен 1222 годом. Но не дремали и новгородцы, обшарившие весь север. Под 1096 г. новгородской летописи есть известие, что какой-то “ноугородец Гур Тогарович” посылал своего отрока на Печору, в которой “людие же суть, дань дающе Новугороду”; с Печоры отрок отправился в Угру, то есть на Урал. Конечно, пионерами и разведчиками служили добрые молодцы ушкуйники — эта вольница новгородская послужила прототипом образовавшегося впоследствии южнорусского казачества.

Прямой путь на Урал по Волге и Каме был загорожен осевшей в устьях Камы болгарской ордой, с которой воевал еще великий князь киевский Владимир. Летописец, рассказывая о походе на болгар в 897 г., приводит такой эпизод: когда Владимир разбил болгар, и когда к нему привели пленников, то Добрыня

сказал: “Сглядах колодников, оже суть вси в сапозех: сим дани нам не даяти... Пойдем, княже, искать лапотников!”

Но если убоился волжских болгар Добрыня, то это не остановило новгородцев, — они пробрались в Биармию обходным путем, через Заволочье. Этот путь оставался вплоть до завоевания Казани. Неутомимые новгородцы не останавливались даже в Биармии, а переправились через Урал задолго до похода Ермака. Есть известие, что новгородская вольница под предводительством Александра Обакуновича в 1364 г. забралась далеко за Каменный Пояс, воевала с югорскими народами и доходила по р. Оби до самого Студеного моря. “Господин Великий Новгород” хотя и называл Великую Пермь своей волостью, но мы не думаем, чтобы здесь существовало полное новгородское владение, а просто были выдвинуты торговые фактории и меновые дворы. Великому Новгороду и со своими делами в пору было управиться: чего одно Заволочье стоило! Достаточно и того, что новгородцы первые проложили широкий путь тяготевшей на восток русской колонизации и пользовались в

далекой Украине большим влиянием. Последнее видно из той борьбы, которую вела Москва с Новгородом из-за Великой Перми. Еще св. Стефан, просветитель Великой Перми, ездил в Новгород ходатайствовать за свое новое духовное стадо, угнетаемое новгородскими володителями и особенно сборщиками дани, а епископ Герасим обуздывал новгородскую и вятскую вольницу своими пастырскими увещаниями. Вообще здесь остается много гадательного, и красная нить истории с трудом связывает разрозненные факты.

Но что хорошо известно, так это именно политика Москвы, постепенно забиравшей новгородские колонии, — а в этом ряду московского одоления Великая Пермь явилась только последним словом.

Московские политики, прежде чем взять Новгород открытой силой, предварительно домогались обессилить его отнятием колоний на севере. Так и было на самом деле: новгородцы, стесненные со всех сторон, продолжали только держаться в Великой Перми. По шелонскому договору в 1471 г., когда новгородцы потеряли все северные колонии, Вели-

кая Пермь еще оставалась в числе новгородских волостей. Вопрос, почему Москва так долго не наносила Новгороду последнего и самого сильного удара, объясняется тем, что на дороге стояла усилившаяся Казань; взять у новгородцев Пермь значило в то же время обойти Казань с тыла. Интересно проследить здесь роль пермских епископов, зависевших административно от Новгорода, а духовно от Москвы. Понятно само собой, что епископы тяготели к Москве, где была митрополия и где ставились все духовные чины. Вообще пермским епископам принадлежала очень деятельная и видная роль; они не только просвещали светом христианства облежавшую их мглу язычества, но входили во все подробности и распорядки как частной, так и общественной жизни, они же вводили правильное гражданское устройство, ведали суды и вступали в договоры с соседними дикими племенами. Такая обширная компетенция епископской власти служила только продолжением могущественного влияния св. Софии, за которую новгородцы клали свои буйные головы,— таков был уклад всей новгородской

жизни,— и сам Великий Новгород в критических случаях шел на суд к московскому митрополиту. Собственно духовная миссия пермских епископов закончилась в 1462-63 годах, когда епископ Иона “крести Великую Пермь и князя их и церкви поставил, и игумены, и попы”. Первый пермский епископ св. Стефан не был в пределах нынешней Пермской губернии, и резиденция его находилась в Усть-Выме, начатое же им дело было закончено епископом Ионой, так что Великая Пермь крестилась еще в новгородский период.

Выяснив себе громадное значение епископской власти первых пермских святителей, мы поймем их историческую роль в деле подготовки близившегося московского одоления. Это дело созидалось десятками лет, и мы видим, что когда Иван III решился нанести последний удар далекой Новгородской волости, то ближайшим его помощником явился пермский епископ Филофей, бывший игумен Белозерского монастыря. Для московского похода всё было подготовлено заранее, и Филофей даже представил в распоряжение московских воевод своих “вожей”, этих непремен-

ных членов тогдашнего генерального штаба. Известно, как быстро кончено было завоевание Великой Перми: Москва переключала много тававший Новгород... С падением Казани и открытием прямого пути на Камень по Волге и Каме навсегда закончилась историческая роль Великой Перми, оставшейся в стороне от главного колониационного движения; но в этой упраздненной Новгородской волости еще таился вольный новгородский дух и враждебное отношение к Москве. Последняя вспышка проявилась в московское лихолетье, когда на призыв Минина откликнулась вся Русь. Все русские области посылали под Москву свои рати; медлили одни “пермичи” или “пермитяне”, по терминологии летописей. Сохранилось характерное обличительное послание вятчан в Пермь по этому случаю: вятчане корили пермичей за нежелание “прямить Москве”, объясняя это “воровством и пианством”. Роль хлыновской республики, утвердившейся на волоке из Камы в Сев. Двину, является в русской истории темной страницей. Образование её из новгородских выходцев отрицается, но можно при-

нять её за сводную колонию из гулящих людей, промышленников и разбойничавших ушкуйников, послужившую первообразом южнорусской сечи. Вполне установлен только тот факт, что хлыновцы постоянно враждовали с Новгородом и прямили Москве, хотя эта последняя и заплатила им черной неблагодарностью. Эта крошечная республика просуществовала до конца XV века, когда “развели всю Вятку” по Московщине, — враг Новгорода разделил его печальную судьбу.

Мы уже говорили о том, что оставил новгородский период в этом краю и как он соединил его узами крови и духа с неоглядной Сибирью. Но, утратив всякое политическое значение, Великая Пермь в последующий московский период явилась твердым оплотом в борьбе с бунтовавшими инородцами и первым опытным полем развивавшейся колонизации. Сведения об этом новгородском периоде отличаются крайней отрывочностью и бедностью содержания, касаясь, главным образом, внешних событий и внешних причин, так или иначе воздействовавших на судьбы Биармии; но в московский период, начиная с

1472 г., влияние и интересы метрополии отступают на задний план, и летописцы заняты по преимуществу внутренними событиями, сосредоточивающимися, главным образом, на борьбе за собственное существование. Именно в этот период происходит самое горячее брожение всех этнографических элементов, начавшееся в предшествовавший период, послуживший связующим звеном между новгородским и московским владением.

Великой Перми пришлось выдержать упорную и многолетнюю борьбу с аборигенами: с севера напирало храброе племя вогул, пелымцы и обские остяки; с востока — сибирские татары; с юга — башкирцы западных склонов Урала, черемисы и разная татарва вообще.

Первый поход вогул занесен летописями под 1455 годом, когда вогульский князь Асыка напал на Усть-Вым и предал мученической смерти епископа Питирима; замечательно, что в этом походе вогулы действовали совместно с вятской вольницей.

В 1481 г. вогулы напали на самую Чердынь, но были отбиты подоспевшими на помощь

устюжанами, под предводительством Андрея Жигинева.

В 1483 г. великий князь Иван III послал против вогульского князя Асыки московских воевод князя Курбского-Черного и Салтыка Травина, которые не только разбили вогул в устьях р. Пелыми, но еще проникли в югорскую землю за Камень; они шли по Тавде, Иртышу, Оби и взяли в плен самого югорского князя Молдана.

В 1505 году тюменский царевич Кулук-Салтан подступил к Чердыни и разорил всю “нижнюю землю”; в 1531 г. на Чердынь напал пелымский князь, а в 1546 г. повоёвали пермскую землю ногайские татары.

Всё это — крупные события, не считая мелких стычек и вылазок, усилившихся с обеих сторон ко времени завоевания Казани. Взятие казанского царства послужило поворотным пунктом в этой борьбе с инородцами, — власть московского царя чувствовалась уже за Камнем, откуда от сибирского салтана Едигера в 1555 г. явились и Москву послы поздравить Ивана IV с благополучным одолением казанского и астраханского царств и с прось-

бой “взять под свою высокую руку князя сибирского и всю землю сибирскую”. Послы сибирские обещали дань по соболу и по сибирской белке с каждой души, если московский царь “заступит” их пред неприятелями. Москва “взяла на свое имя” всю сибирскую землю и тотчас же отправила туда “дорогу” (сборщика дани), чтобы брать сибирский ясак. Но эти видимые успехи не унимали кипевшей в новых местах этнографической борьбы.

Достаточно было малейшего повода, чтобы поднялись “в одну голову” вогулы с Яйвы и Косьвы, березовские остяки и иренские татары и черемисы с напольной стороны Камы. Так, в 1572 г. вогульский “князец” Бехбелей перешел Камень и напал на русские селения по Чусовой и Сылве, — всё было пограблено, выжжено и население уведено в плен. Но Строгановы напали на Бехбелея на его обратном пути и отняли весь полон. В отместку Бехбелей явился на следующий год и прошел всю пермскую землю: осаждал Камгорт, Кергедан, Кай-Городок, острожки по р. Сылве, Чусовские Городки и самую Чердынь. И на этот

раз Строгановы подкараулили князца Бехбелея, когда он возвращался восвояси “с немалой добычей и пленом”, и разбили его наголову “в некотором тесном месте”; сам князец Бехбелей попался в плен и умер от ран в Чусовских Городках.

Именно в это тяжелое и смутное время и выдвинулась на первый план фамилия именитых людей Строгановых. Эти новгородские выходцы порвали всякие связи с кровными интересами метрополии и передались Москве. Сначала Строгановы утвердились в Соль-Вычегодске и отсюда уже сделали крупный шаг в Великую Пермь, где тотчас же поставили исконный новгородский промысел — солеварение. Пользуясь широким покровительством московских князей, — одного из них они даже выкупали из казанского плена, — Строгановы проявили на новом месте все свойства пробойных новгородских промышленников: захватывали земли, заводили промыслы, колонизировали пустовавшие земли (таких пустых земель тогда было “неочер-паемое” множество, потому что инородцы в счет не шли) и военной рукой посту-

пали с врагами Москвы. Московским князьям было самим [не] до себя, и они во всем положились на именитых людей, с которыми расплачивались пустыми землями. Строгановы быстро освоились в новых местах и внесли с собой страшную новгородскую кабалу: широкий путь этой фамилии и до сих пор обозначен поголовной бедностью и нищетой населения, — богатства Строгановых созидались на голытьбенных и обнищавших людишках, тянувших в новые места из-под Москвы, из бывших новгородских волостей, с Устюга, Белозера, Углича, с берегов Двины, Пинеги и Вычегды.

Секрет необыкновенного успеха Строгановых заключался в умении соединить воедино промышленное кулачество господина Великого Новгорода, его колонизаторские способности и умение пустить в ход военную силу с чисто московскими свойствами — униженным молением о земле, взятками и посулами разной приказной челяди, пронырством и дворцовыми интригами. Даже Иван Грозный, этот кровавый призрак завершившегося московского собирания, и он мирволил Строгано-

вым, историческая роль которых при нем неразрывно связалась с покорением Сибири. Несмотря на обаяние силы московского царя, как мы видели, волнения инородцев не унимались, и они продолжали умышлять “злостное коварство”, нападая на русских насельников “украдом”. Сибирское царство, которым завладел старый хан Кучум, тоже вчиняло разные неприязненные действия, хотя хитрый сибирский политик Кучум и называл себя данником Москвы, а Ивана Грозного величал “старейшим братом”. Двоедушная политика сибирской “отчины”, как называл Грозный сибирское царство, обостряет отношения сторон, особенно когда Махметкул, родственник Кучума, перенес военные действия в область Великой Перми. Он явился по следам Бехбелея, разорил Чусовские Городки, убил московского посла Третьяка Чубукова и мирно удалился в “отчину” московского царя.

На этот раз Строгановы, опасаясь “дальних случаев и сильной сибирской стороны”, не посмели напасть на Махметкула. Пользуясь этими затруднительными обстоятельствами, Строгановы выхлопотали себе царскую гра-

моту “поступать военной рукой” не только с ближним неприятелем, но и с дальними сибирскими врагами, причем им вперед жаловались земельные угодья в царской “отчине” за Камнем. В своих городках-острогах у Строганова был давно сформирован набор ратных людей, обычных городовому и воинскому делу. В это время, как гласит кунгурская летопись, “промчесь воровской слух” про Ермака, который, имея “спех и храбрость смлада”, “своевольными вой храбрствовал во единство сердца и вседушно”, — воевал персидские бусы на Хвалынском море, зорил русских купцов и даже “шарпал” царскую казну на Волге. Такой человек был находкой Строгановым для осуществления задуманного ими “подъема в Сибирь”. Кликнули клич, и Ермак обратил свои струги на Каму. Задача была не легкая, но для Ермака предложение “очистить сибирскую землю” являлось “спасительным случаем”: и работа сподручная, и царскую милость можно заслужить. По словам летописи, вся Сибирь находилась тогда “в безоборонном состоянии”, да и сибирские людишки были вообще “не воисты”. Снаряже-

ние Ермака в поход обошлось Строгановым в 20000 р. — счет идет на тогдашние рубли. Результаты этого похода известны всем.

С завоеванием Сибири переместился и центр борьбы с инородцами — Великая Пермь замирилась окончательно, а всякое воинское действие перешло по ту сторону. Последним неприятельским нашествием было нападение пелымского князца Кихека, который, воспользовавшись удалением Ермака за Камень, напал на пермскую землю и “ту велию пакость учиниша”. Он прошел ураганом по всей области, осаждал Кай-Городок, Камгорт, Кергедан, Чердынь и Соликамск. Строгановы едва отсиделись в своих острожках, пока Кихек храбрствовал в их владениях, а потом получили еще опальную грамоту от Грозного, зачем набрали воровских людей и напрасно задирали войной сибирского салтана. Но это была уже последняя беда — московское одоление перевалило уже за Камень, и Великая Пермь навсегда осталась в стороне от всякой истории. Вторая половина московского периода завершилась в пределах павшего сибирского царства... Промышлен-

но-торговый дух утвердился по всех колониях Новгорода, обошел весь Урал и широкой волной разлился по необозримой Сибири... Вообще культурное значение Новгорода сказалось в русской истории очень сильно и проложило широкий след в далекую Сибирь, и смелый замысел Строгановых является только далеким откликом новгородской предприимчивости, пробивавшейся через все путы и приказные злоухищрения московского периода...

Х

В Чердыни я оставался очень недолго: нечего было делать... Погода стояла отличная, и нужно было ею пользоваться. Я решил съездить в село Ныроб, чтобы осмотреть место заключения боярина Михаила Никитича Романова.

Дорога в Ныроб очень интересна сама по себе, потому что проходит по самым бойким чердынским местам: Покча, Вильгорт, Камгорт, Искор, рассажавшимся по р. Колве или недалеко от неё. Эти села хоть куда, благодаря двум промыслам — извозному и судостроительному. В Чердынском уезде есть еще два

больших села — Вильва и Богичи, а остальное жильё разбилось на небольшие починки в несколько дворов. Здесь что ни шаг, то старина: у Вильгорта старинное чудское городище, у Искора тоже, а на Колве почти на каждом мысу и на каждом усторожливом местечке обитала чудь. Особенно славится городище между Искором и Ныробом. Чудь — название собирательное, и едва ли можно признавать существование особого народа с этим именем: старинная “чудь” аналогична по этимологии с словом “немец” — всё, что не говорило по-русски, составляло чудь. Чудские памятники прошли широкой полосой от новгородского Заволочья³⁷ (заволоцкая чудь) через Урал до Алтая — весь этот путь усыпан чудскими городищами, могильниками (могилицы), копиями (копани) и промысловыми стоянками. Археологическая разработка этих памятников только началась и даёт блестящие результаты: тут и каменный век, и медный, и бронзовый. Эта чудь существовала задолго до русской истории, и можно только удивляться высокой металлической культуре составлявших её племен. Достаточно сказать одно то,

что все наши уральские горные заводы выстроены на местах бывшей чудской работы — руду искали именно по этим чудским местам.

Ближайшее к Чердыни село — Покча; оно является чем-то вроде пригорода. Здесь же крепко засели и свои “благодетели”, служащие органическим продолжением чердынских. На первый раз бросаются в глаза самые постройки, каких нет в Зауралье. Крестьянские избы выставляются на улицу не лицом, а боком, так что обыкновенное деление такой избы на переднюю и заднюю здесь теряет свой смысл. Ход в такую избу не со двора, а прямо с улицы; к холодным сеням, соединяющим избы, приделано шатровое, наглухо забранное досками крылечко. Самые избы поставлены высоко, так что под каждой такой избой образуется подклеть; ход тоже с улицы, а крыльца вымощены на столбах. Вид такой избы, во всяком случае, оригинальный и наглядно объясняет ту роль крыльца, которая придается ему в старинных русских песнях. Другой особенностью здешней архитектуры служит устройство сеновалов — они не в глубине двора, а рядом с избой, и прямо с улицы

на такой сеновал ведет бревенчатый взвоз. Под сеновалом устраиваются всякие стаи и стойла для скотины, но вход в них уже со двора. Такой тип построек мне приходилось видеть еще в первый раз: оригинально и красиво. Неудобство соединения сеновалов с жилым помещением главным образом заключается в опасности от пожаров: займется изба или сеновал — спасенья нет.

Жизнь и движение здесь дается, главным образом, всё-таки Кол-вой — этой артерией Чердынского края, соединяющей его с необъятным Печорским краем. Работы здесь достаточно и зимой, и летом. Говор тоже особенный, с чердынским растягиванием и своим лексиконом: тожно, здись, дивно, денница (день), Парма (густой лес) и т.д. Господствует оригинальная фраза, которая служит ответом на всякий вопрос, утверждает, отрицает, сомневается и просто ничего не выражает — всё дело в интонации.

— Это Колва? — спрашиваю я чердынского ямщика, когда мы подъезжали к Покче.

— Це ину?..38

— Зимой на Печору через Покчу ездят?

— Це ину...

— А ты бывал на Печоре?

— Це ину...

“Це ину” в переводе — “что иное”, но употребляется в значении: как же, да, разве, конечно, непременно, известное дело, не иначе, будьте покойны и т.п. Можно представить целый разговор, где одна сторона будет повторять только “це ину”, модулируя тон, и получится полный смысл, — конечно, для “чердака”.

В Вильгорте я завернул к знакомому земскому врачу г. З., но его не оказалось дома. Вышла горничная.

— Здесь живет доктор? — Це ину...

— Дома?

— Це ину... Стреляться с гостями уехали.

Стреляться — охотиться. Ждать, когда доктор кончит “стреляться”, было некогда, и я двинулся дальше. На земской станции, пока перепрягали лошадей, “це ину” не сходило у ямщиков с языка. У нас в Зауралье есть такое же общеупотребительное слово, но уже нерусское: айда! Во многих случаях значение этих слов совпадает: “айда, запрягай лоша-

дей”; “це ину, запрягай лошадей”, — особенно, когда они употребляются в значении “да”. “За прогоны повезешь?” — “Це ину” — “Айда! “

За Вильгортом мы у Камгорта на пароме переправились через Колву, которая здесь в ширину не больше 30 сажен. Дальше пошла плоская болотная равнина, поросшая мелким карандашником. На половине станции к Искору особенно красивый уголок представляет переправа через небольшую речку Нязьву. Такая глубокая быстрая речка и так поэтически спряталась она в запущенных густым лозником берегах, что к воде никак не продерешься. Можно только удивляться могучей силе растительности.

Искор — большое и красивое село, раскидавшее свои домики по холмистым берегам Искорки. Когда-то Искор был столицей “верхней пермской земли” и у самого села сохранилось чудское городище. Теперь в нем ничего замечательного нет, кроме легенды о происхождении самого названия, связанного с городищем, лежащим по дороге в Ныроб. С искорской возвышенности открывается широкий вид на громадную лесистую равнину. Го-

городище вправо от дороги, и его далеко можно заметить по белеющей новой часовне. По описаниям В. Н. Берха и проф. Н. П. Вагнера, оно является чем-то вроде естественной крепости — с трех сторон гора защищена отвесными скалами и только с четвертой приступна. Легенда говорит, что на этом городище жил чудский князь Кор; он был разбит русскими, и городищенские жители были переселены на место нынешнего Искора — отсюда и получился “из-Кор”, Искор. По другому варианту, чужд заменяется татарами, но это всё равно. Берх производил подробные раскопки городища и нашел бердыш, сошник, ключ с золотой насечкой, два ножа, копьецо и несколько замков. Местные жители продолжают делать здесь находки. Часовня поставлена над “убиенными”, имена которых сохранились в записях искорской церкви — всё это жертвы московского одоления. По преданию, найденные здесь кости “на брани живот положивших” перенесены в Чердынь и там похоронены.

Равнина, на которой стоит городище, производит вблизи тяжелое впечатление — здесь

так и пахнуло глубоким и холодным севером. Вместо травы в лесу лежал мох, и даже на открытых, покосных местах этот же мох выступал сквозь траву и глушил её. Что-то такое мертвое придавал он картине, тем более, что это не обыкновенный, зеленовато-желтый болотный мох, а белый, олений, походивший на те бородастые лишайники, которые здесь заедают деревья. Переход от зеленой гущи, в какой прячется Нязьва, к мертвой белизне оленьего моха слишком уже резок, хотя дальше опять идет трава, а на Колве она по пояс. Впечатление от мертвой равнины усиливалось еще и другим обстоятельством: было уже поздно, около десяти часов вечера, а небо еще горело пурпуровым закатом. В это время ночи здесь нет, стоит сплошная заря, так что можно свободно читать книгу. Если июньские петербургские ночи получили название белых, то здешние смело можно назвать красными; на нервы эта заря действует томительно-жутко, и глаз просто болит напряженно-красными и оранжевыми тонами, в которых слишком много крови и вообще чего-то зловещего, как в зареве невидимого пожара.

В такую именно северную красную ночь, я, наконец, приехал в Ныроб, до которого от Чердыни 46 верст...

Из Ныроба я выезжал поздно ночью, чтобы успеть утром в Чердынь к пароходу.

Примечания

Печатается по изданию: Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений в 12-ти томах / Под ред. Е. А. Боголюбова. — Т. 12: Автобиографические произведения. Публицистика. — Свердловск: Обл. гос. изд-во, 1951.— С. 291-338.

Очерк Д. Н. Мамина-Сибиряка (1852-1912) “Старая Пермь” написан по результатам его поездки в Пермь и на север Пермской губернии летом 1888 г. Впервые очерк был опубликован в журнале “Вестник Европы” (1889, No 7, с. 44-105).

1 “На брезгу” — на рассвете (диал.). Рассветать — брезжить.

2 Крупш — сталелитейная фирма, основанная в 1810 г. в Германии Фредериком Круппом.

3 Шишонко Василий Никифорович (1831-

1889) — врач по профессии, краевед, библиограф, автор “Пермской летописи”, директор народных училищ Пермской губернии.

4 Попов Никита Савич (1763-1836) — первый директор Пермской гимназии, автор капитального труда “Хозяйственное описание Пермской губернии” (части 1-2, Пермь, 1804).

5 Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828-1893) — земский и общественный деятель, первый председатель Пермской губернской земской управы, публицист, краевед, библиограф, издатель “Пермского сборника” (1859-1860 гг., Москва).

6 Соммье Жан-Клод (1661-1737) — французский историк.

7 Дмитриев Александр Алексеевич (1854-1902) — уральский историк, краевед, летописец, автор 8-томной “Пермской старины”.

8 Краснопёров Егор Иванович (7-1897) — пермский земский деятель, статистик, краевед.

9 Теплоухов Федор Александрович (1845-1905) — лесовод, археолог, автор многих работ по археологии и этнографии Пермского края.

10 Рогов Николай Абрамович (1825-1905) —

краевед, этнограф, автор “Пермяцко-русского и русско-пермяцкого словаря” (СПб., 1869).

11 “Проход Елены в Балканах” — имеются в виду стратегические позиции военного отряда под командованием генерал-майора Домбровского в районе города Елены во время турецкой войны 1877-1878 гг.

12 Попенные — плата за вырубку леса по числу срубленных деревьев (от слова “пень”).

13 Лоты — судна-плоскодонки. Лот-лоток, плоское корытце, выдолбленная плоским кузовком плаха.

14 Щеголихин — чердынский купец и пароходчик, владелец месторождения железной руды на р. Вишере. Образцы железного блеска выставлял на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке (1887), где и продал это месторождение французам.

15 Посессионные землевладельцы — лица, получившие от государства земли в условное владение для промышленного использования.

16 Лэндлорд — землевладелец (англ.).

17 Марфа Посадница — вдова новгородского посадника И. А. Борецкого, возглавляла ан-

ти-московскую партию новгородского боярства.

18 Вергилий — герой поэмы Данте “Божественная комедия”, являвшийся проводником автора по кругам ада.

19 Леблан Николб (1755-1806) — французский химик, изобретший способ промышленного производства соды.

20 Шлезвиг — надо читать: Шлезинг — французский химик и агроном, строитель содового завода в Париже в 1854 г.

21 Сольве Эрнест (1838-1922) — бельгийский химик-технолог и предприниматель. Разработал аммиачный способ получения соды из поваренной соли. Один из основателей Березниковского содового завода, соучредитель компании “Любимов, Сольве и Ко”.

22 Эдисон Томас Алва (1847-1931) — американский изобретатель в различных областях электротехники (телеграф, телефон, лампа накаливания, фонограф и др.).

23 Сканное дело (скань) — филигрань, вид ювелирной техники: ажурный или напаянный на металлический фон узор из тонкой золотой или серебряной проволоки. Басман-

ное дело (басма) — тонкие серебряные листы с тисненными узорами.

24 Эверт-Идес-Избрант — иностранный купец, посланный в 1691 году Петром I в Китай для установления торговых отношений России с Китаем.

25 Татищев Василий Никитич (1686-1750) — русский историк и государственный деятель. В 1720-1737 гг. управлял казенными горными заводами на Урале, основатель Екатеринбурга и Перми.

26 Мессершмидт Даниил Готлиб (1685-1735) — географ и путешественник, приглашенный в 1716 г. Петром I в Россию для изучения природных богатств Сибири.

27 Делиль (1688-1768) — французский астроном и географ, директор астрономической обсерватории Санкт-Петербургской академии наук; в 1740 г. совершил путешествие в Сибирь для определения географического положения сибирских городов.

28 Остерман Андрей Иванович (1686-1747) — государственный деятель, граф. Руководил внутренней и внешней политикой России при Анне Иоанновне. В 1741 г. Елизавете

той Петровной сослан в Березов.

29 Миних Бурхард Кристоф (1683-1767) — граф, военный и государственный деятель, президент Военной коллегии при Анне Иоанновне.

30 Бирон Эрнст Иоганн (1690-1772) — граф, фаворит Анны Иоанновны, создатель реакционного режима — “бироновщины”. В 1740 г. сослан в Пелым.

31 Левенвольд Рейнгольд — граф, обер-гофмаршал, один из приближенных к Анне Иоанновне.

32 Колупаев и Разуваев — литературные герои М. Е. Салтыкова-Щедрина, ставшие нарицательными: грубые, невежественные и циничные хищники.

31 Кирша Данилов — составитель сборника русских былин и исторических песен.

34 Посошков Иван Тихонович (1670-1726) — известный русский экономист, автор книг: “Книги о скудости и богатстве сие есть изъяснение, отчего приключается скудость и отчего богатство умножается”, “Завещание отеческое” (Домострой XVII в.).

35 Михаил Никитич Романов — боярин, дя-

дя первого русского царя Михаила Романова, сосланный Борисом Годуновым в Ныроб в 1601 году.

36 Сибиряков Александр Михайлович — сибирский золотопромышленник, субсидировал многие инициативы по исследованию Сибири.

37 Заволочье (Двинская земля) — историческая область XI-XIV вв., находившаяся за волоком — обширным водоразделом, отделяющим бассейны Онеги и Северной Двины от бассейна Волги.

38 О заинтересовавшем Мамина-Сибиряка сочетании “це ино” пишет и Н. П. Белдыцкий. По его словам, жители Чердынского уезда говорят “че ино”, и только на севере уезда — “цокают”. (Белдыцкий Н. П. Поездка на Печору: (путевые очерки и наброски): [Ч. 1. От Чердыни до Якши] // Пермские губернские ведомости. — 1898.— 21 янв.).